

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ.

А. Щ а п о в а.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ Д. Е. Кожанчичова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза».

1862.

Одобрено ценсурою 10-го октября 1862 года

Земская рознь великорусских областных общинъ, въ смутное время, по согласію всѣхъ мѣстныхъ земскихъ совѣтовъ, кончилась общимъ рѣшеніемъ ихъ — *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи*; кончилась, слѣдовательно, земско-областной федераціей. Результатомъ федераціи областей и взаимнаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ былъ *сборъ всей земли, сходъ всѣхъ городовъ* подь Москву. Вънцомъ, результатомъ общаго согласія всѣхъ областныхъ земскихъ совѣтовъ, схода всѣхъ городовъ, сбора всей земли подь Москву, былъ *совѣтъ всей земли, земскій соборъ 1613 года*. На этомъ соборѣ избранъ былъ царь *всею землею, по записи, какова уложена была по совѣту всей земли*. «И возрадовались — по словамъ государственной книги о земскомъ соборѣ 1613 года — и возрадовались всякихъ чиновъ люди

московскаго государства, и выборные, и невыборные, всѣ земскіе люди, отъ мала до велика, что у всѣхъ Богъ вложилъ въ сердца одну мысль».

Къ прискорбію народному, недолго продолжалась эта радость земская. Черезъ пять лѣтъ обнаружилась скорбь *конечная*. Общинно-областной челобитный голосъ народный скоро дошелъ до слуха новоизбраннаго царя и побудилъ его, въ 1619 году, созвать соборъ для обсуждения различныхъ вопросовъ *о земскомъ устройствѣ и о многихъ статьяхъ, чтобъ въ государство многія статьи поправить къ покою и къ строенью людямъ*. На этомъ соборѣ самъ царь изобразилъ печальное состояніе народа въ такомъ видѣ: «Судьбами божіими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское государство разорилось и запустѣло; а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренья посланы были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ, за иными легко, а за дру-

гими, по недружбѣ, тяжело. *И отъ того всякимъ людямъ московскаго государства скорбь конечная...* Изъ нѣкоторыхъ заукрайныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ; а иные многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать велѣть отъ сильныхъ людей оборонить». Такимъ-образомъ, тяглые земскіе люди, на первой же порѣ, послѣ избранія царя, почувствовали скорбь и тяготу отъ тягла *государевой казны*, отъ злоупотребленій государевыхъ чиновниковъ, писцовъ и дозорщиковъ, отъ насилія бояръ. На первой же порѣ они подали и голосъ свой объ этомъ. Мощь энергія юной, кипучей, свободной жизни народа не терпѣла насилія, произвола и сдержки. А избраніе царя волей народа, всею землею, по записи совѣта всей земли, жизненная народная потребность новаго соединенно-областнаго *земскаго строенья*, на свободныхъ, излюбленныхъ самимъ народомъ началахъ любви, совѣта и соединенія, естественное, жизнью народною требуемое и выработанное, право на мѣстные зем-

скіе совѣты и на общіе земскіе соборы, наконецъ изстаринное, жизненно-народное право общинно-областной земской челобитной гласности передъ правительствомъ — все это, естественно, неотъемлемо уполномочивало областныя общины смѣло вопіять къ избранному народомъ царю, протестовать противъ произвола, насилія и стѣсненій; представлять различные интересы и потребности мѣстной областной жизни; сообщать мѣстно-областные, жизненно-народные матеріалы для законодательства; подавать мѣстно-областные совѣты общему земскому совѣту и царю; требовать на живые, свободные, прямые вопросы жизни прямыхъ, свободныхъ, живыхъ отвѣтовъ царя, правительства.

И вотъ, областныя общины, втеченіи всего XVII столѣтія, неумолчно и смѣло вопіяли къ царю въ своихъ общинныхъ, земскихъ челобитныхъ. Смѣло и неумолчно высказывали онѣ всѣ разнообразныя, земско-областныя неустройства, разладицы свободы земства съ приказнымъ произволомъ, свободы земскихъ *животовъ и промысловъ съ запросами и прибылью государевой*

казны, льготы съ тягломъ, свободы торговли съ таможенными сборами и заставами, и проч.

Всѣ великорусскія областныя общины по изстаринному, выработанному общинною жизнью принципу земско-областной, общинной гласности и требовательности, смѣло и откровенно высказывали въ своихъ земскихъ, общинныхъ челобитныхъ всѣ неудовольствія, страданія, протестаціи, нужды и просьбы, сообщали правительству мѣстно-жизненные матеріалы для земскаго строенія. По-временамъ, голосъ земства смѣло раздавался и на земскихъ соборахъ.

При обилии и разнообразіи вопросовъ новаго соединенно-сбластнаго земскаго строенія, и самыя земско-областныя челобитныя были почти безчисленны и повсемѣстны, и вопросы, ими поднимаемыя, чрезвычайно-разнообразны, какъ разнообразны были мѣстныя особенности и интересы областныхъ общинъ. Повсюду, въ областяхъ, волостные и городскіе люди, тогда еще жившіе земско-общинною жизнью, по изстаринной колонизаціонной связи, по нераздѣльности и свободной выборности городского или сельскаго

поселенія и промысла, по общинности и тожественности быта и интересовъ — повсюду, говоримъ, въ областяхъ, городскіе и волостные люди, посадскіе и крестьяне, вмѣстѣ сходились на земскіе совѣты въ города. Здѣсь они составляли общинно-областныя челобитныя, выбирали излюбленныхъ, довѣренныхъ ходочковъ *во всѣхъ мѣсто*, и посылали ихъ съ челобитными въ Москву, къ царю. Акты XVII вѣка наполнены этими общинно-областными челобитными, такъ же, какъ ими наполнены были московскіе указы, и вособенности, нарочно для того устроенный въ XVII вѣкѣ *Челобитный Приказъ*. И сколько въ этихъ земскихъ челобитныхъ высказалось энергіи народной жизни, смѣлой протестаціи и требовательности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконецъ, практической способности областныхъ общинъ къ представительству своихъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, къ подачѣ практическихъ, жизненныхъ совѣтовъ правительству въ дѣлѣ земскаго устройства. Вотъ, на примѣръ, ямскіе охотники, поселившіеся отъ Перми до Верхотурья, для отправленія госу-

дарственной ямской гоньбы, для перевозки припасовъ, колонистовъ и приказныхъ людей въ Сибирь, безпрестанно шлютъ къ царю челобитныя *во всѣхъ мѣсто*. Они сильно протестуютъ противъ неправильнаго распредѣленія ямовъ, пространства ямскихъ разгоновъ, противъ несообразности ихъ съ мѣстными топографическими условіями, откровенно выставляютъ правительству на видъ его несообразительность съ мѣстными областными условіями и даже совершенное незнаніе этихъ мѣстныхъ особенностей; раскрываютъ правительству, какъ лучше, удобнѣе, сообразнѣе съ мѣстностью устроить отправленіе ямской гоньбы; чрезвычайно-изобразительно описываютъ неисправность, неудобства дорогъ и мостовъ, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для нихъ ямской гоньбы, вопіютъ, что она «не въ мочь имъ и ихъ лошадамъ, которыя на дорогахъ издыхаютъ», что, просто, имъ остается только *брести врознь*. Вотъ, земскіе люди древней вольной новгородской колоніи, земли важской, шлютъ въ Москву съ земско-областной челобитной мірскихъ посыль-

щиковъ «*во всѣхъ важанъ* — шенкурской, кокшенской, подвинской и верховажской чети — *крестьянъ мѣсто*». Жалуются, протестуютъ они противъ того, что царскіе приказчики и ихъ тіуны завели у нихъ на Вагъ никогда небывалую прежде пошлину, не даютъ имъ свободно ѣздить въ Холмогоры съ хлѣбомъ, сермяжными сукнами, съ овчинами и съ масломъ, а назадъ не даютъ свободнаго проѣзда съ солью, — берутъ съ нихъ, съ хлѣба, съ скотины и со всѣхъ товаровъ пошлину на Вагъ, во всѣхъ четвертяхъ и по волостямъ, и оттого — де у нихъ и промыслы стали; никто, затѣмъ, ни откуда, ни съ какими товарами къ нимъ не ѣдетъ, и имъ остается только всѣмъ *брести врознь*. А тамъ, другія областныя общины шлютъ къ царю челобитныя на воеводъ и приказныхъ людей, прямо протестуютъ противъ приказнаго управленія, во имя земскаго самоуправленія и самосуда. Они, сожалья о старинномъ правѣ излюбленнаго самоуправленія, требуя возстановить его, пишутъ царю, что у нихъ, въ областяхъ, до московскаго разоренья, приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ

мірскіе выборные судьи, и жалуются, что съ-тѣхъ-поръ, какъ стали у нихъ быть приказные люди, имъ отъ тѣхъ приказчиковъ причиняются большіе налоги, убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи страшныя — и отъ тѣхъ посуловъ, на-логовъ и насильствъ отъ приказныхъ людей они, посадскіе и крестьяне, оскудѣли, не имѣють чѣмъ платить царскихъ податей и *хотятъ брести врознь*. Областные общины готовы были ежегодно платить казнѣ откупу отъ приказныхъ властей рублей по 1,000 и болѣе; только требовали, чтобъ царь освободилъ ихъ отъ приказнаго начальства и предоставилъ имъ право излюбленнаго мірскаго выборнаго самоуправленія и самосуда. А вотъ еще областныя общины шлютъ челобитныя къ царю, протестуютъ противъ приказно-правительственной писцовой отписи или приписи одной мѣстной общины къ другой, для совокупнаго отправления государственныхъ податей и повинностей, требуютъ земской, территоріальной и мірской, общинной особы и самораспорядительности мірскими розметами и розрубамы; выставляютъ прави-

тельству на видъ мѣстную географическую несообразность, неестественность, неудобность писцовой отписи или приписи; жалуются, что такая насильственная припись или отпись нарушала изстаринный, естественно-историческій жизненно-народный колонизаціонный строй областной общины, и т. п. И безчисленное множество подобныхъ общинно-областныхъ челобитныхъ, оглашало слухъ царя въ XVII вѣкѣ. Всего же чаще, общинныя областныя челобитныя были протестаціей земства противъ воеводъ и другихъ приказныхъ властей, и воплемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ и нуждъ противъ централизующей, всепоглощающей прибыли государевой казны. Вопіяли, вопіяли такимъ образомъ земскія общины, и въ концѣ каждой своей челобитной, какъ-бы страшая государя, прибавляли: «и оттого земскіе люди *обищали и оскудали до конца, дома свои бросаютъ и бредутъ врознь.*»

Вопія разнообразными областными челобитными, земскія общины, по временамъ, — какъ мы сказали, — выражали свои протестаціи и требо-

ванія на земскихъ соборахъ. Такъ на земскомъ соборѣ 1642 года, выборные отъ нихъ громко, сильно вопіяли противъ приказныхъ царскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ на счетъ посуловъ, взятокъ съ народа, построившихъ на счетъ жалованныхъ имъ земель и деревень «палаты каменные такія, что неудобъ сказаемыя»; вопіяли противъ *лежащей домової казны* патріарховъ, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей; вопіяли противъ царскихъ дворовыхъ приказчиковъ, разбогатѣвшихъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, отъ жалованныхъ вотчинъ, отъ приказныхъ службъ, отъ разныхъ поборовъ съ народа; вопіяли противъ всѣхъ привилегированныхъ чиновъ, разбогатѣвшихъ и *отяжелѣвшихъ* отъ богатства, на счетъ жалованныхъ имъ земель и крестьянскихъ деревень. Вопіяли общинно-областные выборные на земскомъ соборѣ противъ всѣхъ этихъ жалованныхъ привилегированныхъ властей и чиновъ, и требовали, чтобы и на нихъ на всѣхъ наложены были государственные сборы, наравнѣ съ тяглымъ земствомъ. Далѣе, земскіе выборные вопіяли на соборѣ и противъ без-

престанныхъ и разныхъ приказныхъ службъ городовыхъ, отвлекавшихъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ торговъ и промысловъ; вопіяли противъ разныхъ обременительныхъ сборовъ и повинностей, противъ разныхъ казенныхъ работъ и дѣлъ, и почти отказывались отъ новыхъ ратныхъ сборовъ; вопіяли противъ безотчетнаго употребленія и расточенія на мѣсть народныхъ податей и сборовъ, и требовали мѣстнаго контроля надъ казной выборными отъ тяглыхъ земскихъ людей. Наконецъ, особенно сильно вопіяли на соборѣ гости всѣхъ сотень и торговые люди всѣхъ городовъ противъ воеводскаго управленія въ городахъ, противъ ихъ вреднаго вмѣшательства въ дѣла торговли и промысловъ; прямо говорили царю: «а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли». Протестуя противъ воеводъ, выборные отъ городовъ напоминали царю

про свое прежнее городское право самоуправленія и самосуда, говорили: «а при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты; а посадскіе люди судилися сами промежь себя, а воеводъ въ городахъ не было». Вопіяли, вопіяли, такимъ-образомъ, на земскомъ соборѣ тяглые земскіе люди, и, въ заключеніе своихъ рѣчей, опять говорили вслухъ царя: «и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ служебъ и сборовъ всякіе тяглые люди *оскудѣли и обнищали* до конца, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые люди *разбрелися розно, и дворишки свои бросаютъ*». И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка, бѣглыхъ, гулящихъ людей, избылыхъ отъ тягла, бродившихъ врознь, обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца въ Велико-русской Землѣ стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о сыскѣ бѣлыхъ*, также какъ ими наполнены были и Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказъ Разбойный.

На земскомъ соборѣ 1648 года, выборные отъ областныхъ общинъ еще разъ подали царю земскую челобитную. Въ челобитной этой они

сильно протестовали противъ экономическаго неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономическихъ правъ для всего земства; требовали, чтобъ «всякіе торговые и промышленные люди — и владычни, и боярскіе, и княженецкіе, и кабацкіе откупщики — всё были въ тягль и въ свободахъ или льготахъ *вмѣстѣ равно* съ тяглыми черными общинами, — чтобъ *во всемъ народѣ мятежа и розни не было*».

На вопль земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ, на голосъ земскихъ соборовъ, вторили тоже и частные люди, помышлявшіе о земскомъ устроении, о недостаткахъ и потребностяхъ земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Такъ напр., въ *Словѣ о правдѣ*, приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «Если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣпно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благу однихъ вельможъ пецись, но и о всѣхъ до

самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы: отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ.* Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена: то даютъ денежныя оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бывають посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ; также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскіе расходы много серебра выходитъ.* Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры-писаря ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію отъ города до города. И тѣмъ, которые въ горо-*

*дахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатыютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ бѣльшими прибытками. Кромъ же этого ярма, никакимъ другимъ лишениамъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаянй покупаютъ и продаютъ. Такимъ-образомъ всякій мятежъ земскй умалится и писаря уменьшатся, сборы сократятся и взятокъ не будетъ». Известно также, въ какомъ поучительномъ видѣ изобразилъ состоянй Московскаго государства Котошихинъ. Известно, равнымъ образомъ, и замѣчательное политико-экономическое сочиненй «О Московскомъ государствѣ» Юрй Крыжанича, въ которомъ онъ подробно изобразилъ недостатки и потребности всего земства — торговцевъ, посадскихъ и крестьянъ; смѣло говорить, между-прочимъ, о *поправленй тиранства и злаго владаня*; указываетъ средства для этого въ политической свободѣ, или, какъ онъ выражается, *въ слободинахъ*, то-есть въ льготахъ и вольностяхъ народныхъ; сильно нападаетъ на *лакомость* или *людодерство* приказнаго началь-*

ства, жившаго, — по его словамъ, — *отъ прода-
ванія правды*, и проч.

И дѣйствительно, нельзя было не вопіять земскимъ людямъ въ XVII вѣкѣ, особенно со второй половины этого столѣтія. Московская централизація начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду въ областяхъ введено было воеводское управленіе, вмѣсто прежняго выборнаго самоуправленія и самосуда. Вольнонародная колонизація и свободное самоустройство городскихъ и сельскихъ общинъ, окончательно замѣнились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизаціей, казеннымъ *городовымъ дѣломъ*, *указнымъ* устройствомъ городовъ, остроговъ, и т. п. Равноправное, свободное экономическое саморазвитіе земства сильно подрывалось несправедливымъ, вопіющимъ разъединеніемъ земства на тяглыя и льготныя общины; неравныя государственныя условія экономическаго состоянія общинъ и частныхъ людей, порождали вопіющее экономическое неравенство въ народѣ: порождали множество *голутовенныхъ*,

*обнищавыхъ, оскудѣвшихъ до конца людей рядомъ съ отяжелѣвшими отъ богатства привилегированными людьми. Экономическіе интересы земства поглощались интересами и прибылью государевой казны; доходы народные стягивались тяглою, податями, или тяглами и разными сборами въ государеву казну. Сильно развивалась монополія казны, напр. въ кабацкихъ откупахъ, во многихъ промыслахъ, особенно сибирскихъ и поморскихъ. Господствующимъ мотивомъ, принципомъ казны въ распоряженіи земскими доходами, стало правило: *какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе*. Истязательность, запросливость казны доходила до такого воззванія къ земскимъ людямъ: «хотя нынѣ промысловъ своихъ убавьте, да дайте денегъ казнѣ». Народъ, недовольный кабацкими откупами и сборами въ пользу казны, переставалъ иногда пить царское вино, такъ-что кабацкіе головы и цѣловальники, по причинѣ малыхъ кабацкихъ сборовъ, доносили царю: «а въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало»; а царь строго упрекалъ воеводъ за недостатокъ кабацкихъ*

сборовъ въ такомъ, на примѣръ, тонѣ: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало». Началась, дальше, сословно-записная, или сословно-разъединительная систематизація и разсортировка земства. Вольныя народоправныя *черныя волости*, къ концу XVII вѣка, окончательно раздѣлены были на классы крестьянъ — помѣщичьихъ, казенныхъ и дворовыхъ. Систематически совершалось сословное и хозяйственно-бытовое раздѣленіе; различіе между горожанами и поселянами, между городами и селами, между городскимъ торгово-ремесленнымъ и сельскимъ земледѣльческимъ трудомъ. Крестьяне окончательно прикрѣплялись къ сельской государевой и помѣщичьей землѣ, посадскіе — къ посадской, городской землѣ. Крестьянамъ запрещалось имѣть осѣдлость въ городахъ, на посадахъ, устраивать, покупать и нанимать лавки въ рядахъ, и позволялось только *наъдомъ* продавать свои товары, съ возовъ и струговъ, на гостиномъ дворѣ. Крестьянъ, свободно, самовольно селившихся въ городѣ, на посадѣ, для

промысла или торга, велѣно *свозить* въ деревни, посадскихъ, свободно, самохотно селившихся въ селахъ и деревняхъ, велѣно *свозить на посадки*, кто гдѣ жилъ. Вмѣстѣ съ начаткомъ постояннаго, регулярнаго войска, начало организоваться и военное сословіе, солдатство. Вслѣдствіе признанія преступленіемъ прежняго свободнаго поставленія въ попы и дьяконы земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ, вслѣдствіе строгихъ указовъ о ставленникахъ и «записныхъ книгъ новоставленнымъ попамъ и дьяконамъ», совершалось сословное прикрѣпленіе духовенства къ Церкви, систематическое отдѣленіе, обособленіе его отъ земства, какъ особой сословной касты. Вслѣдствіе раздѣленія земскаго и церковнаго элемента, духовенство теряло нравственную силу и вліяніе на земство нравственно падало; земство отдѣлялось, обособлялось отъ духовенства, предавалось больше умственному и религіозному вліянію своихъ народныхъ грамотниковъ, чѣмъ попамъ и монахамъ. Наконецъ, образовалось особое сословіе служилаго и приказнаго городского дворянства. Бояре, дѣти

Боярскіе и приказные люди въ приказныхъ службахъ и въ помѣстьяхъ владычествовали надъ народомъ, обогащались на счетъ народа; боярство стремилось приобрѣсти перевѣсъ надъ земствомъ. Московскіе знатные бояре дѣлались временщиками при дворѣ царя. «Царь молодой — говорили тогда нѣкоторые земскіе люди — смотрѣлъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго». Такимъ-образомъ, *земское устройство къ покою людямъ*, обѣщанное царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ на соборѣ 1619 года, не ладилось, или ладилось бѣльшею частью не въ духѣ земства. Произошло даже раздѣленіе между *государевымъ, царственнымъ* и народнымъ, *земскимъ дѣломъ*, — раздѣленіе официальное, высказанное самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этотъ царь не далъ и той записи, какова учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; по словамъ Котошихина, «государство свое правилъ по своей волѣ, и того ради писался *самодержцемъ*; въ его волѣ, чего хотѣлъ, то и могъ сдѣлать». Издавъ «Уложеніе», онъ дозволилъ выборнымъ земскихъ, въ числѣ

315 человекъ, только выслушать его, да подписать. Въ «Уложеніи» (скажемъ словами графа Завадовскаго) написаны были законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ; кнутъ, избранное орудіе во исправленіе судей и тяжущихся и ко извлеченію по дѣламъ истины, полагаемъ былъ дѣйствительнѣйшею принадлежностію суда. Для поддержанія суевѣрія, установлены тамъ нелѣпныя предписанія, и для праздныхъ людей и обитающихъ въ печальныхъ изувѣрства убѣжищахъ, узаконены за учиненную ими самадѣйшую обиду пени, часто приводившія въ нищету неимущихъ и обогатившія отрекшихся отъ міра». Неудивительно послѣ этого, что до 160-ти человекъ протестовали противъ «Уложенія» и заточены были въ Соловецкій монастырь.

Вмѣсто *земскаго строенья*, въ духѣ народномъ, по волѣ, по общинно-областнымъ, земскимъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михайловичъ *всякія дѣла, великія и малыя* — по словамъ Котошихина, — *по своей мысли учинялъ, какъ хотѣлъ*; первый, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ — московскихъ государей, сталъ вво-

дить, какъ тогда говорили, *иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки, нѣмецкіе чины и чиновны, Нѣмцевъ и прочіе языки, яко благодаревъ, принималъ и честію великою почиталъ.* Это учиненіе по мысли и волѣ царя Алексѣя Михайловича, безъ совѣта съ земскими думными людьми, вопреки естественно-историческимъ, жизненно-народнымъ, изстариннымъ началамъ *земскаго строенья*, — это учиненіе чиновъ и судовъ и обычаевъ и чиновныхъ, нѣмецкихъ, сильно возмущало земскихъ людей. Они не были врагами собственно-иностранцевъ, европейцевъ; напротивъ, гости, торговые русскіе люди сами ѣздили въ XVII вѣкѣ за границу, въ Голландію и Англію; немного спустя, даже между расколотыми учителями были ученые иноземцы, хорошо знавшіе *лоторскую вѣру*, французскій и нѣмецкій языки. Но русскіе земскіе люди возмущались этимъ *нѣмецкимъ учиненіемъ* русскаго *земскаго строенья*, не *сочинявшагося отвлеченно*, а *создававшагося жизнью всего народа, цѣлаго земства, своеобразно развивавшагося изъ духа народнаго.* Вотъ почему, — по словамъ одного хроно-

графа, — въ 1665 г. къ царю Алексѣю Михайловичу приходилъ какой-то *мужъ мудрый* и совѣтовалъ ему «не вводить, не учинять въ гражданствѣ иноземскіе обычаи, чины и суды иночиновны». — «Что будетъ въ гражданствѣ?» спросилъ его царь. «Въ гражданствѣ, — отвѣчалъ *мужъ мудрый*: — будутъ тайныя похищенія скипетровъ людей; вельможныхъ будетъ постигать, какъ естественная, такъ и напрасная смерть. Затѣмъ послѣдуютъ великія молвы, смущенія и *различныя постановленія уряду городскаго, послѣдуютъ ненавистныя, въ поношеніе и укоризну учиненныя, законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія*. А изъ-за этого, будутъ великія скопища, сходы многонародныя *чувствительныя*. Богъ да избавить, чтобъ не выскочило оттуда какое-нибудь зло определенное. Тогда вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ; гдѣ будетъ судъ и правда, тамъ и бранямъ не будетъ конца! Подданные возстанутъ противъ правителей *за то, что сердца ихъ сильно опечалены и тоскою наполнены*. Хотя нѣкоторые вельможи и помыслятъ объ упокоеніи

установительномъ, и всяку жилу натянуть, чѣмъ бы колеблемый народъ могъ успокоиться, но мало помогутъ. Притомъ, будутъ сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно возсвирѣпѣють, погибнуть».

Наконецъ, въ добавокъ къ общимъ мотивамъ недовольства, простой народъ отягощенъ и раздраженъ былъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, повышеніемъ акцизной пошлины на самую жизненную потребность — на соль. Безсовѣстные чиновники, въ родѣ главнаго судьи въ Земскомъ Приказѣ, Плещеева, и управляющаго Пушкарскимъ Приказомъ, Траханіотова, страшно обижали и притѣсняли простой народъ до крайняго разоренья. Бояре задерживали народныя челобитныя. Въ приказахъ судныхъ не было правосудія, а къ царю простой народъ не допускали.

Все это вызывало громкій челобитный вопль земства, а за воплемъ — недовольство, раздраженіе и возстанія. Вопіяли, вопіяли, такимъ-образомъ, земскіе люди и на земскихъ соборахъ, и въ общинно-областныхъ, земскихъ, и въ част-

ныхъ челобитныхъ. Не услышали они жалованнаго слова; не получили успокоительнаго отвѣта на свои челобитныя; не получили правильнаго, цѣльнаго и прочнаго земскаго строенья. И вотъ, вслѣдствіе разъединенія, раздѣленія *государева и земскаго* дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья, — въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII-го столѣтія. Весьма-многіе земскіе люди съ этого времени часто «государеву указу и повелѣнію учинялись противны, и, преступя его крестное государево цѣлованье, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали...» А тамъ, далѣе, ужь глухо слышалось страшное слово: «Антихристъ!»

— Взбунтовались сначала въ Москвѣ земскіе люди *всею землею*. «1648 года мѣсяца мая въ 25-й день — сказано въ дворцовыхъ разрядахъ, — грѣхъ ради нашихъ учинилося междуусобство отъ зем-

скихъ людей: просили у государя Земскаго Приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ по прошенью отдать, и они междуусобствомъ учинялись быть въ непослушаньѣ, а Леонтья Плещеева убили, и Посольскаго Приказа думнаго дьяка Назарья Чистаго убили, и дома ихъ разграбили, и иные многіе боярскіе дома, и стольниковъ, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая въ 26-й день учинилась большая смута, и учали *всею землею* просить у государя убить окольного Петра Траханиотова. И Петра Траханиотова велѣлъ государь имъ отдать, и они на площади Петра казнили». Разъяренный народъ останавливалъ самого государя на поѣздѣ, схватывалъ за узду его лошадь, держалъ царя за пуговицы, и кричалъ: «На кого же намъ надѣяться, какъ не на тебя, царь!» Отъ разъяренности массы, — по словамъ Котошихина, — «и царица, и царевичи, и царевны запершися сидѣли въ хоромѣхъ въ великомъ страху и боязни».

Вслѣдъ за московскимъ бунтомъ — бунтъ коломенскій, бунтъ въ Псковской Землѣ, бунтъ въ

Новгородской Земль, бунтъ въ Устюгѣ, бунтъ въ Сольвычегодскѣ. Словомъ, *миръ весь закачался*, — какъ говорилъ тогда одинъ изъ бунтовщиковъ. Бунты произошли во многихъ городахъ. По словамъ одного акта, «учинилась на Москвѣ *и по городамъ* брань междоусобная, и донинѣ *по городамъ* мятежь».

По географической раздѣльности областей, по разрозненности мотивовъ, разрозненные мѣстные бунты не могли объединиться въ одну общую оппозицію недовольнаго земства. Потому они скоро, одинъ за другимъ, были прекращены... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

Въ это время, въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ, возникаетъ первый толкъ, первое согласье *раскола*.

Никто тогда не думалъ, не гадалъ, что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственного строя — церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія

всѣхъ бывшихъ дотолѣ и будущихъ разрознен-
ныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній
въ одно общее оппозиціонное согласіе недово-
льнаго земства, для обобщенія всѣхъ неудовлетво-
ренныхъ, челобитныхъ воплей, желаній, стрем-
леній, недовольствъ, антипатій, протестацій и
вѣрованій массы народной въ одну оппозиціон-
ную *общинно-согласную*, церковно-и-граждан-
ско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ толь-
ко на разные частныя толки и согласія. Тогда
многіе недовольны были только тѣмъ, что, на-
примѣръ, Никонъ исправилъ по *греческимъ* цер-
ковнымъ книгамъ своеобразныя *великокрусскія*
мѣстно-областныя разногласія, особенности въ
славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ
старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ.
Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что
царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старин-
ное великорусское земское строеніе — *иноземное,*
нѣмецкое учиненье, нѣмецкіе обычаи и чины. Но
никто тогда не зналъ, что съ-тѣхъ-поръ, со
времени патріарха Никона и царя Алексѣя Ми-
хайловича, расколъ будетъ вѣковымъ отрицань-

емъ греко-восточной, *никоніанской* и государства, или Имперіи Всероссійской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія *государева* и *земскаго дѣла*, расколъ возьметъ на себя *земское дѣло* продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо *государева дѣла*, великорусское *земское строеніе* новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды.

А изъ малаго зерна началось развитіе раскола. Сначала небольшое согласье *великорусскихъ*, *московскихъ* протопоповъ и поповъ возбудило клерикально-іерархическое, *поповщинское* движеніе противъ *греко-кіевскаго* исправленія старыхъ *великорусскихъ* церковныхъ книгъ и противъ суроваго, строгаго патріаршества Никона. Многіе попы, дьяконы, дьячки, особенно такъ-называемые *тяглые*, съ радостью приняли новое *поповщинское* ученіе.

Вопросъ о старыхъ церковныхъ книгахъ, по

которымъ народъ издревле учился грамотѣ въ своихъ земскихъ училищахъ, которыя предки завѣщевали дѣтямъ, скоро сталъ вопросомъ народнымъ, земскимъ. Это тѣмъ скорѣе, что изстари вопросы и дѣла церковныя на Руси считались столько же земскимъ дѣломъ, сколько и церковнымъ. Областныя общины, какъ, на примѣръ, въ смутное время, сами собою, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали религіозныя распоряженія, постановленія. Даже сельскія общины, *по мірскому уложенію*, сами собою устанавливали для себя религіозныя *заповѣди*, узаконенія, новгородско-поморскія общины, вмѣстѣ съ псковскою, особенно отличались этимъ общиннымъ земскимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. На этомъ основаніи, и вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ. И тѣмъ болѣе онъ получилъ земское значеніе, что расколъ скоро представилъ передъ народомъ царя Алексѣя Михайловича — *Антихристомъ*; отвергъ «Уложеніе», по многимъ узаконеніямъ тяжкое для земства, и сталъ за изстаринные великорусскіе земскіе обычаи противъ иноземскихъ, нѣмецкихъ

нововведеній. При томъ же, одинъ изъ сильныхъ расколочальниковъ, духовникъ царя, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, — какъ мы видѣли, — заступался за массу земства, за крестьянъ, защищалъ ихъ отъ вельможей, бояръ, писцовъ, ямскихъ сборовъ и расходовъ.

Проникнувъ въ массу земства, вопросъ, поднятый расколомъ, глубоко затронулъ грамотниковъ народныхъ. Начались *толки* грамотниковъ и стали появляться разные *толки* раскола, комбинируясь, обобщаясь въ согласья. Грамотниковъ этихъ, какъ своихъ народныхъ учителей, съ полной вѣрой слушалъ весь простой народъ: слушали земскіе люди, гости, купецкіе и посадскіе люди, крестьяне, стрѣльцы, казаки, и обращались въ согласья раскола. И сталъ расколъ, такимъ-образомъ, *ученьемъ, толкомъ, согласьемъ* земскимъ, народнымъ, жизнью и исторіей массы народной. *Старина* религіозная и мірская, гражданская, была основой этого ученья.

Изъ Москвы, изъ столицы древняго *Московского государства, царства*, расколъ быстро распространился по всѣмъ великорусскимъ обла-

стямъ и сталъ принимать *областное* направленіе и устройство. Онъ сталъ осѣдаться, устанавливать, путемъ новой колонизаціи пустынныхъ мѣстъ, лѣсовъ — въ новые областные скиты, общины *поморскія: стародубскія, донскія, керженскія, казинскія, сибирскія, саратовскія*, и т. д. по изстаринному обычаю, называя московскую раскольничью общину *Москвою*. Главнымъ центромъ и исходнымъ пунктомъ децентрализаціи, областности, мѣстнаго земско-общиннаго, религіознаго и гражданскаго саморазвитія раскола, была *Поморская Область* — древняя колонія вольнаго Великаго-Новгорода, боярскихъ фамилій боровшихся съ Москвою за областную свободу колонія вольныхъ казаковъ и бобылей, средоточіе народоправныхъ *черныхъ волостей*. Въ ней возникло демократическое ученіе — *не молиться за московскаго государя-царя*. Въ поэзіи поморскаго раскола изображается борьба Поморья съ Москвой.

Изъ московской клерикально-іерархической *поповщины*, проникнувъ въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись, помимо

поповъ, *безъ поповъ*, толкомъ грамотниковъ народныхъ, расколъ скоро сталъ *безпоповщиной*. И это направленіе онъ выразилъ опять прежде всего тамъ же, на сѣверѣ, въ Новгородско-поморской Области, гдѣ давно стали появляться безпоповщинскія ученія; гдѣ земскіе люди изстари привыкли жить *безъ поповъ*, ограничиваясь мірскою *часовенною* религіозностью; почему въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣка постоянно означались *дворы поповы пусты*. Притомъ, поморскія черныя волости изстари имѣли псковско-новгородскую привычку къ мірскому общинному самораспоряженію церковными дѣлами, и кромѣ того, съ XVI-го вѣка находились подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, шведскихъ перебѣжчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшись великорусскимъ народнымъ ученьемъ, расколъ сталъ отрицаньемъ *грецизма*, или того, что навывается *византизмомъ*. Это потому, что съ XV-го вѣка, со времени паденія Византіи, въ Великороссіи стали ненавидѣть, гнать Грековъ. Извѣстна печальная участь ученыхъ Грековъ, начиная отъ Максима Грека и до Арсенія Грека, противъ котораго мо-

сковскіе расколочальники особенно вооружились, такъ же, какъ и противъ *малороссійскихъ* кіевскихъ ученыхъ, такъ-что въ имени Арсенія Грека, вмѣстѣ съ именами Никона и царя Алексѣя Михайловича, находили число антихристово — 666. По словамъ одного раскольничьяго сочиненія, про Грековъ въ половинѣ XVII-го вѣка даже простой народъ съ насмѣшкою говорилъ, что имъ же нужно учиться у Русскихъ, а не учить Русскихъ.

Съ того момента, какъ расколъ сталъ толкомъ, ученъемъ массы народной, во всѣхъ классахъ ея появились расколуучители. Богатые гости, купецкіе и посадскіе люди, не только сами распространяли расколъ, но и своими капиталами поддерживали, усиливали и устраивали раскольничьи общины, согласья. Таковъ, напри- мѣръ, былъ великолупцкій купецъ Иванъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколуучителя псковскаго и новгородскаго, протопопа Варлаама. Разѣзжая по торговымъ дѣламъ по Новгородскому краю, купецъ этотъ, — по словамъ Денисова, — «всебогатый, преизобильный плодъ усу-

губиль не въ тридесять токмо и шестьдесятъ, но и во сто прозябаемый, яко и во градѣ, и въ селахъ, и въ весяхъ, и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ нелѣпно слово простираше. Откуда убо пребогато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ древне-православномъ стояти благочестіи! Колики научи новопредаанныхъ блюстися догматъ! И не прости токмо люди, но и честныя и благородныя персоны, и фамильныя и славныя лица въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди быти». Таковъ точно былъ новгородскій купецъ Лаврентій, «иже — по словамъ Денисова — харчевыми припасами куплю дѣяше: аще и неучень баше книгамъ, но книги въ дому имѣя, отовсюду собираше чловѣки на книгочтеніе и спасительныя о словесѣхъ божіихъ бесѣды». Таковъ же былъ въ Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, «имѣніемъ — по словамъ Денисова — изобильный и многихъ утвердившій въ благочестіи, откуда слава о ревности онаго происходаше». И множество, во всѣхъ городахъ, явилось подобныхъ купецкихъ и посадскихъ людей — расколоучителей.

Крестьяне, въ родѣ восхваляемыхъ Андреемъ Денисовымъ, Василья Лисицына, изъ села Кре- стецкаго, Евсеvя Простаго, каргопольскаго Ле- онтя и другихъ, также «свободнымъ языкомъ похваляли древнюю вѣру, аще въ бесѣдахъ, аще на торжищахъ, во градѣ, въ селахъ, или гдѣ случалось, ясно разглагольствовали, и прочихъ сосѣдовъ и окрестножителѣй всежелательно и братолюбно, доброревностно научали новинъ и Никоновыхъ новоправленій весьма отбѣгать».

Дошло до сельскихъ грамотниковъ сильно-распространившееся тогда мнѣнiе, «яко бы по-тысящъ лѣтъ Римъ отпаде, яко же книга о вѣ-рѣ глаголетъ, а по 600 лѣтѣхъ Малая Русь отступи къ Риму, а по 60 лѣтѣхъ и Великая Русь превратися въ разныя нечестiя и пестроты многи; послѣднее отступленiе третiаго Рима при Никонѣ подвижеся». И вотъ сельскiе, кре-стьянскiе грамотники по-своему взяли это мнѣ-нiе въ толкъ, будто «вѣра отпадала триста лѣтъ и, наконецъ, въ ихъ время, отпала». И стали они измышлять свою, новую, русскую *крестьян-скую* вѣру, такъ-какъ и греческая вѣра прежде

въ актахъ часто называлась *крестьянскою вѣрою*. Христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне бѣльшею частью не знали, да и знать не могли, потому-что они, — по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла, — какъ «люди зѣло простые», отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились только именамъ: Христось, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнью, «елико ктѣ что умѣюще». Притомъ, самая большая часть великорусскаго народа была не чтѣ иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣ могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ. По этимъ причинамъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ при допросахъ на судѣ прямо сознавались: «прямаго-де христіанскаго ученья, какъ проповѣдуетъ восточная Церковь, и отъ рожденья своего они не слышали». И вотъ, зная только имя Христа, да слыша изъ апокрифическихъ народныхъ сказаній, будто Христось ино-

гда ходитъ по землѣ, является людямъ даже и поляхъ, нѣкоторые крестьяне стали искать Христа, чтобъ онъ показалъ имъ себя видимо.

Сіяла вѣра много лѣтъ

И стала вѣра отпадать

И отпадала триста лѣтъ.

И изъ тѣхъ людей—были люди умные,

И, соединясь между собою тѣсно,

Послали людей на святое мѣсто.

И пришли тѣ люди

Подымать стали руки на небо,

Сзывать Бога съ неба на землю:

«Господи, Господи, явился намъ,

Въ крестъ или въ образъ

Было бъ чему намъ молитися и вѣрити».

И бысть имъ гласъ изъ-за облака:

«Послушайте, вѣрные мои:

Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,

Изберу я плоть пречистую и облечусь въ нее,

Буду я по плоти человекъ, а по духу Богъ.

Приму я распятый крестъ,

Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы жельзныя,

Пролью слезы горючія.

Станете ли ко мнѣ въ темницы приходить,

И узы съ меня снимать,
Десятую денежку подавать?»

И вотъ, какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы *разбигрывался игрой* въ самозванцы—цари, такъ точно, простой крестьянинъ Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѣичъ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически назвалъ себя Господомъ—Христомъ. И съ-тѣхъ-поръ самозванцевъ—Христовъ явилось нѣсколько.

Сошелъ Господь съ неба на землю
И рожденіе ему было въ стародубской сторонѣ,
А житіе его было въ бѣлокаменной Москвѣ,
Спознали про него Іудеи на землѣ,
Предали его на муку, на страданье *).

Нельзя видѣть въ этомъ религіозномъ самозванствѣ грубаго богохульства. Скорѣе тутъ выразился миѣологическій антропоморфизмъ. Въ то время, когда вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ помѣщиковъ и съ появленіемъ

---

*) Сусловъ былъ пойманъ, для разспросовъ и пытокъ привезенъ въ Москву къ патріарху Никону и князю Одоевскому, и посаженъ въ тюрьму.

*иночиновныхъ званій, отличій и чиновъ, съ усиленіемъ вельможества, боярства, личность крестьянина теряла свободу и старинное юридическое равенство съ высшими городскими классами земства, какое неотъемлемо принадлежало свободнымъ крестьянамъ до XVI-го вѣка, — въ то время расколъ, во имя религіознаго и гражданскаго характера своего, возвышалъ личность крестьянъ. Расколъ прославлялъ, возвеличивалъ *простыхъ поселенъ, невъждъ въ поселеняхъ*, въ родѣ Евсевія Простаго; возводилъ ихъ въ святые, такъ же, какъ до XVII вѣка, дѣти крестьянъ, наравнѣ съ дѣтьми князей и бояръ, достигали самаго высокаго почета, прославлялись святыми, чего съ XVII, и особенно съ XVIII столѣтія, крестьяне не сподоблялись. Только расколъ возводилъ личность крестьянъ до апотеозы. Впослѣдствіи, когда личность крестьянская сильно была подавлена, порабощена крѣпостнымъ правомъ, окончательно нарушено было старинное юридическое равенство крестьянъ съ высшими городскими классами земства; когда народныя ученія назывались *дурацкимъ расколомъ*,*

слово *мужикъ* и *дуракъ* стали синонимическими и образовалась поговорка: *мужикъ-дуракъ*; когда, вообще, простой народъ назывался *подлымъ народомъ*—тогда это религіозное самозванство *христами-искупителями*, такъ — называемыя *христовщины*, выражали не что иное, какъ мистическую, религіозно-антропоморфическую персонификацію крестьянскаго народовластія, мистическое возвышеніе нравственнаго человѣческаго достоинства крестьянской личности, мистическое возведеніе ея до апотеозы. Эта мысль выражена въ слѣдующемъ народномъ стихѣ:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Какъ и эти дураки,
Словно съ медомъ бураки;
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ.

Расколъ затронулъ, возбудилъ своеобразную, русскую простонародную фантазію и мыслительность. Вездѣ, по городамъ, селамъ и деревнямъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ хоромахъ купецкихъ, въ избахъ крестьянскихъ шли тол-

ки о послѣднемъ времени. Словно наступала новая эпоха въ жизни, въ судьбѣ массъ. Сходились на пиръ, на бесѣду, и здѣсь толковали о послѣднемъ времени. И было, впрочемъ, о чемъ толковать, когда началось страшное гоненіе на расколъ.

Какъ у насъ было на семь свѣту — во святой

Руси,

Во славной матушкѣ — каменной Москвѣ,

Во мѣщанской третьей улицѣ,

Не два солнышка сокатилися —

Тутъ два гостя ликовалися:

Гость Данило Филиповичъ,

Гость Иванъ, сударь, Тимоѣевичъ.

Въ одно они мѣсто съединилися,

Другъ другу они поклонилися.

Поклоняется Иванъ Тимоѣевичъ

Дорогому гостю богатому,

Данилѣ Филиповичу:

«Ты добро, сударь, пожаловать

Въ мою царскую палатушку!

У меня все, сударь, приготовлено,

И столы, сударь, разставлены,

На столахъ скатерти накрытыя,

Изготовлены яствы сахарныя

Со нивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлѣба съ солью покушати!
И я радъ твоихъ глаголовъ слушати
Про твое время послѣднее
И про твой божій пристрашный судъ».

Начались гоненія на расколъ. Стали расколь-
никовъ вездѣ отыскивать и ловить.

И когда то времечко пришло,
То до праведныхъ дошло
Стали праведныхъ ловить,
Въ города возить стали и ковать,
Вязать, въ земляны тюрьмы сажать,
Караулы приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денегъ на
выкупъ своихъ единомышленниковъ изъ тюремъ
и изъ темницъ.

Ужъ какъ по морю, по морю, по синему морю,
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Изъ дальнихъ городовъ—израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Ерусалиму граду каменной Москвѣ,
Приходили они къ земляпой тюрьмѣ:

«Ай вы, гой еси, караульщики!

Что̀ это у васъ за темницы стоятъ?

Что̀ въ темницахъ за невольники сидятъ?

Про что вы ихъ бьете, про что мучаете?

Что̀ на нихъ пытаете, чего спрашиваете?»

Тутъ отвѣтъ держатъ караульщики:

«Ахъ вы, братцы, корабельщики!

Ихъ про вѣру бьютъ божью истинную,

На нихъ спрашиваютъ самого Бога Христа.»

Стали гости между собою оглядываться,

Выкупать стали, выручать,

И на волю выпущать.

Между-тѣмъ, какъ въ земствѣ усиливался расколъ, то-есть отпаденіе земскихъ людей, какъ тогда говорилось, *отъ государева московскаго государства*, и началась энергическая, рѣшительная борьба раскола съ силой правительственной, на югъ, въ степяхъ Донской Украйны, на Волгѣ, собирались народные борцы — казаки и всѣ недовольные царствованіемъ Алексѣя Михайловича. Собирались всѣ тѣ *обнищалые, оскудѣлые до конца и разбродившіеся врознь люди*, которые такъ долго, неумолчно и напрасно вопіяли, въ своихъ земскихъ общинно-областныхъ

челобитныхъ; противъ государственно — экономическаго неравенства земскихъ общинъ и людей. Собирались тѣ голутвенные, обнищалые люди, которые протестовали противъ исключительной привилегированности и льготы отъ тягла однихъ богачей, обогатѣвшихъ отъ жалованныхъ имъ вотчинъ, на счетъ тяглаго земства; *отяжелѣвшихъ* богатствомъ многимъ отъ лежачей домашней казны, и построившихъ на посулы, на счетъ жалованныхъ крестьянскихъ деревень, на счетъ служебнаго приказнаго кормленья, *каменныя палаты, такъ-что неудобъ сказаема*. Собрались всѣ эти *голутвенные люди* на Донскую Украйну, выбрали атаманомъ Стеньку Разина, и пошли съ этимъ могучимъ предводителемъ вверхъ по Волгѣ, противъ Москвы. И стали они избивать князей, бояръ, воеводъ, всѣхъ приказныхъ людей, всѣхъ богачей, разжившихся на счетъ льготъ и привилегій. Стенька Разинъ объявилъ массамъ: «Я не хочу быть царемъ, а иду только избить всѣхъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, и хочу сдѣлать васъ всѣхъ равными!»

Тутъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, расколъ явился

ужь объединяющей силой, душой движенья. Бунтъ }
Стеньки Разина былъ уже вмѣстѣ и бунтомъ ра-
скола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ
его, такъ-какъ донское казачество тогда уже
обратилось въ раскольничью общину и возводило
даже свои казачьи *рады, круги* до религіозной
санкціи въ образѣ религіозныхъ *радъ* или *радъній*
и *святыхъ круговъ*. Въ честь своего вождя-освобо-
дителя отъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ
людей, донскіе казаки въ своемъ кругу воспѣ-
вали пѣснь:

Ай у насъ на Дону,
Самъ Спаситель во дому.
Ходитъ съ нами
Во святомъ онъ во кругу.

Взбранный воевода, нашъ сударь, батюшка!

Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль,

Вокругъ царскаго корабля легки лодочки,

Во лодочкахъ вѣрны царски дѣтушки,

Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разинъ
хотѣлъ сдѣлать, въ противоположность Москвѣ,
московскому государству, царствомъ казачества
и раскола, къ чему и послѣ, со второй половины

XVIII столѣтія, стремились раскольники, особенно *бѣгуны*. Въ религиозно-общинномъ раскольничьемъ духѣ, Стенька Разинъ свирѣпо убилъ астраханскаго архіепископа и также покушался поступить и съ астраханскимъ воеводой.

Изъ Украйны Донской, изъ царства казачества, расколо-казачье движеніе отозвалось въ Северо-Поморской Области, въ средоточіи религиознаго и гражданскаго раскола. Тамъ казаки-раскольники, вмѣстѣ съ монахами соловецкими, — по словамъ митрополита тобольскаго Игнатія — «начали быть во всемъ противны не только хулами св. Церкви, но и благочестиваго царя не захотѣли признать своимъ государемъ». «Воры-сотники — читаемъ далѣе, въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ — про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкій бунтъ былъ раскольничьимъ протестомъ, антагонизмомъ Поморской Области противъ Москвы. Потому онъ и изображается въ одномъ раскольничьемъ стихѣ, какъ борьба Поморья съ Москвою, съ московскимъ государствомъ.

Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ соловецкій, такъ же какъ и поморскія пудожскія движенія Емельяна Иванова, Власки «лихаго вора» и другихъ, были прекращены... Но расколъ остался и живучъ и силенъ. Въ бою казачьемъ, въ бунтахъ народныхъ онъ еще больше укрѣпился, закалился, такъ-сказать, слился съ кровью массъ.

Между-тѣмъ горе народное скоплялось все больше-и больше. «Сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены». Недаромъ къ XVII столѣтію относятъ многознаменательную народную повѣсть *о горь-злочьсть*. Съ XVII столѣтія, въ одно время съ умноженіемъ голытьбы кабацкой, простой народъ особенно позналъ горе-злочьсть и выразилъ его въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ челобитныхъ. Ото всего онъ разбродился врознь, убѣгалъ, но отъ горя-злочьства, по словамъ пѣсни, не могъ укрыться «ни въ чистомъ полѣ, ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ синемъ морѣ».

«Въ лѣто 1682 — читаемъ въ хронографѣ — во время зимнее, начали люди сильно тужить по причинѣ неправдъ и нестерпимыхъ обидъ. Осо-

бенно начали злобиться на временщиковъ, главныхъ судей, за то, что они мздоимствомъ ослѣпили себѣ очи. Повсюду тогда, не только между мужчинами, но и между женщинами, шли рѣчи объ обидахъ, о неправомъ рѣшеніи дѣлъ. А тѣ, ближніе предстатели царя, только вымышляли мниморазумное сами собою, а не на совѣтѣ многихъ людей, презирая людей искусныхъ, мудрыхъ и старцевъ, покусились вводить въ государствѣ всякія новыя дѣла, въ гражданствѣ — чины для дарованія чести и суды иночиновные, подражая обычаямъ иноземскимъ. Забыли они писанное, что отнюдь не слѣдуетъ вдругъ вводить вновь иностранные обычаи, чины предсѣдательства, отличія, почести, званія, неслыханныя въ своемъ государствѣ, также перемѣну въ одеждахъ, въ обувяхъ, въ пищѣ и питъѣ, и — въ совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ не пущать иноземцевъ, потому — что отъ перемѣнъ и необычныхъ дѣлъ въ государствѣ бываютъ большія и страшныя смуты... Не для того не слѣдуетъ принимать иноземцевъ въ думу или въ совѣтъ, чтобъ отнимать у нихъ честь, или чтобъ ихъ ненавидѣть, но для

того, чтобы по совѣту иноземцевъ не произошли въ государствѣ перемѣны по обычаямъ и дѣламъ ихъ страны, перемѣны несогласныя съ нуждами государства. Больше же всего надобно беречься того, чтобъ отъ обычаевъ иноземныхъ не произошли въ житиѣ народномъ, т. е. въ яствахъ и платьѣ, проторы и убытки. Ибо если какое дѣло скоро входитъ въ государство, и за то дѣло примутся люди, то уже большое происходитъ зло, а за тѣмъ слѣдуютъ страшныя ненависти, является жадность къ чужому имѣнью. А когда эта жадность дотронется до чужихъ животовъ, тогда не будетъ единомыслія и любви между житейскими людьми. Тутъ ужъ происходитъ въ государствѣ смута и мятежъ».

«Вотъ и въ это время—продолжаетъ хронографъ—голосъ народа такой раздавался: какъ можетъ быть въ мірѣ многое множество людей, когда въ судахъ нѣтъ правосудія, и, если правосудія не будетъ, то, конечно, въ государствѣ предстоитъ переворотъ... Ибо вотъ уже, въ царствующемъ городѣ началъ возгораться гнѣвъ Божій отъ налоговъ начальническихъ и неправед-

ныхъ судовъ, а отъ того и мысли у людей начали возмущаться... Огонь ярости на начальниковъ, на обиды, налоги, притѣсненія и неправосудіе больше-и-больше умножался, и гнѣвъ, и свирѣпства воспалились.

Такъ было до 15 мая 1682 года.

Мрачный и бурный былъ этотъ день въ Москвѣ. Сильный вѣтеръ подулъ съ страшнымъ воемъ и визгомъ. Все небо подернулось темными тучами. Загремѣла гроза... И, въ это время, раздался ударъ въ большой кремлевскій колоколь. Забили въ набаты и барабаны. Стрѣльцы взбунтовались. Поднялись полки всѣхъ приказовъ, вмѣстѣ съ бутырскими солдатами, и двинулись въ Кремль, «воинскимъ строемъ», съ знаменами и барабанами, съ мушкетами, съ бердышами и съ коньями и даже съ нѣсколькими пушками, сбивши съ Ивановской площади боярскія кареты вмѣстѣ съ лошадьми... Начались стрѣлецкіе бунты, ознаменовавшіе конецъ московскаго государства и начало всероссійской имперіи.

Расколъ и тутъ поднялъ свое знамя. Онъ воодушевлялъ, возбуждалъ всѣ стрѣлецкіе бунты.

Стрѣльцы, какъ и казаки, болѣею частью были раскольники. «Тогда объявились въ стрѣльцахъ — нишетъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ — многіе раскольники, и, получа своему зломыслию удобное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой вновь утвердить и противную имъ православную Церковь разорить. Для того избрали они себѣ предводителемъ Никиту-роспона, прозваньемъ Пустосвята». Въ Грановитой Палатѣ, гдѣ нѣкогда бывали и земскіе соборы, въ присутствіи правительницы Софьи, на соборѣ высшей и низшей іерархіи церковной, всего царскаго синклита, боярѣ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ, расколъ, вооруженный силою стрѣльцовъ, въ послѣдній разъ торжественно объявилъ борьбу и споръ съ верховною властью и съ архіереями грекороссійской Церкви. Въ послѣдній разъ, въ челобитной своей на соборѣ, онъ торжественно провозгласилъ свой догматъ, съ-тѣхъ-поръ неизмѣнный: «цари изнемогоша, архіереи падоша!» Далѣе, стрѣльцы, подобно казакамъ, возстали, подѣ знаменемъ раскола, во

имя равенства, противъ князей, бояръ и началь-
ныхъ людей. По собственнымъ словамъ ихъ, они
шли казнить бояръ и вельможъ, уничтожать чи-
ны, званія и отличія. Раскольничьи попы съ об-
разами ободряли ихъ въ этомъ движеніи. Нако-
нецъ стрѣльцы, вмѣстѣ съ расколомъ, возстали
противъ Нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній: опи-
шли взять слободу нѣмецкую, истребить ее до
тла, передушить и перерѣзать иностранцевъ.
Всѣ эти движенія стрѣлецкія расколъ сдѣлалъ
движеніями народными. По словамъ Крекшина
и Матвѣева, раскольники, «видя стрѣлцкое сму-
щеніе въ государствѣ, начали простой народъ
возмущать, подговорили въ свой совѣтъ много
народу, купцовъ, посадскихъ людей, промыш-
ленниковъ и чернь, и возжегся едва не весь на-
родъ»...

И стрѣлцкіе бунты, наконецъ, были подав-
лены, и самые даже стрѣльцы были уничтоже-
ны. Но расколъ остался живучъ и силенъ, и
сталъ еще сильнѣе.

Въ то время, когда въ Москвѣ совершалась
надъ стрѣльцами страшная казнь въ восьмиднев-

ныхъ кровавыхъ актахъ мучительнѣйшихъ по-
боищъ, отъ 10-го до 31-го октября 1698 года.. въ
то время въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ области
древняго вольнаго Новгорода, собирается новое
народное согласіе раскола. Оно возводитъ въ
догматъ: «не молиться за царя и быть всѣмъ рав-
ными». Это — согласіе поморское, выгорѣцкое,
даниловское. Съ-тѣхъ-поръ, на вопросъ: «Кто
вы?» послѣдователи этого согласья даютъ отвѣтъ
вопрошающимъ: «Мы христіане евангельскаго
проповѣданья... священства не имѣемъ и бѣг-
лыхъ поповъ не приедемъ... За царя Бога не
молимъ... всѣ равны и особенныхъ наставниковъ
не имѣемъ... одинаго же согласія Данилова по-
морскаго».

— Какъ живучъ былъ въ стрѣльцахъ, до послѣд-
ней капли крови, духъ возстанія, какъ въ кус-
кахъ обезглавленныхъ тѣлъ стрѣleckихъ на крем-
левской площади, — по словамъ очевидца Кор-
ба, — долго трепеталась жизнь въ ужаснѣйшей
агоніи, такъ живучъ былъ жизнью раскола стрѣ-
leckій духъ демократическаго антагонизма. Онъ
пережилъ самихъ стрѣльцовъ. Бѣглый стрѣлецъ

Филиппъ основалъ новое религіозное и гражданское согласье, доселѣ живущее. Это согласье, гораздо упорнѣе, рѣшительнѣе Даниловцевъ, возвѣстило догматъ — не молиться за царя, отрицать всѣ повелѣнія и установленія власти; лучше сожигаться, чѣмъ покоряться Антихристовой волѣ. Изъ-за этого собственно догмата стрѣлецъ Филиппъ и основалъ свое особое согласье.

Такимъ-образомъ, изумительно, загадочно и многознаменательно, какое «непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, совершилось въ образѣ мыслей бѣльшей части массы народной, въ Москвѣ и по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласья на земскомъ соборѣ 1613 года. Во второе десятилѣтіе XVII вѣка избранъ былъ царь по согласію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возникать и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя согласья, — началось непризнаніе, отрицаніе царя....

Такъ кончилась древняя Россія. «Здѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо, отъ сего часа, на горшая измѣненія будетъ превосходить Русь царь-

ми неблагочестивыми». Съ такой печальной, па-
нихидной рѣчью расколъ шель за старую Рос-
сією, на кровавыхъ похоронахъ ея, совершав-
шихся Петромъ-Первымъ.

Непрерывнымъ рядомъ народныхъ бунтовъ
ознаменовался конецъ старой московской и зем-
ско-областной народной Россіи. Ужасами кро-
вавой народной борьбы отмѣтилось въ лѣтописи
народной введеніе старой народной Россіи во
Всероссійскую Имперію. Первому новоизбранно-
му всею землею царю народъ мирно, громоглас-
но высказалъ въ своихъ общинно-областныхъ
челобитныхъ всю свою правду, всѣ вопросы
жизни; далъ всѣ жизненно-народные, общинно-
областные матеріалы для земскаго строенья,
для реформъ. Громко сталъ высказывать онъ то
же и второму царю новоизбранной династіи. Но
когда царь Алексѣй Михайловичъ не далъ за-
писи, какова учинена была по совѣту всей земли
на земскомъ соборѣ 1613 года; когда рѣшенье
вопросовъ народной жизни и земское строенье
пошло по его одной волѣ,— какъ говоритъ Кото-
шихинъ, — и по иночиновному учиненью, а не по

народнымъ земско-областнымъ челобитнымъ;
когда *сердца народныя были сильно опечалены*
и тоскою наполнены, когда появилось *горе-зло-*
частье, тогда вспыхнули бунты городовые, особ-
но-областные, угрожавшіе—было новою рознью
областей, и земскіе люди учинились сильны и
непослушны государю, явился Стенька Разинъ
и пошелъ противъ царя Алексѣя Михайловича,
и противъ князей, бояръ, воеводъ и всѣхъ при-
казныхъ людей — явился расколъ и возопилъ:
«Антихристъ!...» Кровь старой народной Россіи по-
лилась рѣкою.... Расколъ все недовольство на-
родное, все *горе-злочастіе* *), всѣ элементы
бунтовъ народныхъ, возвелъ въ вѣковой народ-
ный заговоръ, въ согласья, въ доктрину. Духъ
Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ, воплотился
въ живучую, неумирающую, вѣковую оппозицію
раскола.

И чѣмъ такъ изумительно-живуча, могуча,

*) Потому поэзія раскольниковъ исполнена стихами о горь-
злочастьѣ: любимый, постоянный мотивъ ея вдохновения —
горе, грусть, плачь, рыданіе.

энергична была старая народная Россія, когда богатырски, героически умирала въ Москвѣ съ Стенькой Разинымъ, когда была вѣшана, рѣзана, изрубляема, сжигаема, распинаема... въ эту адскую годину стрѣлецкихъ побоищъ, и все-таки осталась живою въ расколѣ? Что хотѣла завѣщать намъ, воспитанникамъ новой, петровской Россіи, старая народная Россія, когда послала по всемъ концамъ, по всемъ областямъ свою могучую, живучую пропаганду религіозныхъ и граждански-народныхъ согласій? Какое добро или зло она завѣщала низшимъ массамъ земства — крестьянству, мѣщанству, купечеству, солдатству, когда завѣщала расколу уловлять въ свои согласія эти массы народа и, по началамъ изстариннаго земскаго строенья, развивать въ согласіяхъ братство, совѣты, сходы, соборы, выборное самоуправленіе, принципъ сводныхъ браковъ, общиннаго употребленія капиталовъ и проч.? Что дорогаго, святаго было для огромной массы народа въ старой Россіи, когда она въ расколѣ возвела до святыни, до апотеозы старину, и, подъ знаменемъ раскола, подняла въ-

ковую народную оппозицію, «брань съ Антихристомъ»?

Теперь намъ не рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ, пока расколъ самъ не раскроетъ свою таинственную, заколдованную, мистико-апокалипсическую тайну, завѣсу, которою прикрито его полужизненное, горько-думное, горько-слезное прошедшее и невѣдомое будущее. А если бы разрыть могилы — архивы старой народной Россіи; еслибы разгадать, чего хотѣль, что закладывалъ, слагалъ въ своемъ свободномъ земскомъ строеньи въ былыя вѣчевыя времена, что пережилъ и что дважды хоронилъ и подъ конецъ съ горемъ — злостью схоронилъ земскій великорусскій міръ — народъ въ своей старой народной земско-областной Россіи, то, быть-можетъ, поняли бы мы отчасти эту могучесть, энергію и жизненность борьбы народной, выразившейся въ расколѣ. Видно, много ужъ неволи и горя прожилъ народъ, когда онъ читалъ въ XVII вѣкѣ повесть о горѣ-злостью, когда сталъ обращаться въ расколъ. Сначала онъ лишился самородныхъ принциповъ, зачатковъ особно-област-

ной свободы и федеративнаго устройства, мірскаго и вѣчеваго самоуправленія и саморазвитія, послѣ вѣковаго богатырскаго труда колонизаціоннаго самоустройства среди Чуди, *Лопи дикой*, среди черныхъ *дикихъ льсовъ*. Потомъ лишился онъ зачатковъ свободнаго, соединенно-областнаго, федеративнаго саморазвитія и самоуправления *въ любви и въ совѣтъ*, лишился свободныхъ мірскихъ сходовъ по селамъ и волостямъ, свободныхъ людскихъ собраній или сходовъ на думы по городамъ, свободныхъ сходовъ городскихъ волостныхъ людей вмѣстѣ или областныхъ земскихъ совѣтовъ и земскихъ соборовъ—и лишился всего этого онъ въ самой первоосновѣ, закладкѣ — въ эпоху появленія постоянныхъ указовъ, въ эпоху учрежденія до 100 Приказовъ, до 40 воеводствъ, а тамъ—въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія—и губерній. Наконецъ, лишился онъ, ни за что, многихъ талантливыхъ, удалыхъ и добрыхъ молодыхъ, сложившихъ головы за народное, земское дѣло... И вотъ, позналъ онъ въ XVII вѣкѣ горелочасть, и пошелъ *со голытьбою со кабац-*

кою за Стенькой Разинимъ, а со стариной народной—въ расколъ... И съ-тѣхъ-поръ великорусскій расколъ также плакалъ и плачетъ о *мирскомъ смущеніи*, или о разстройствѣ великорусскаго земства, міра, о великорусской старинѣ, о старинныхъ уставныхъ правахъ городскихъ, и старинныхъ соборахъ, какъ Украина плакала надъ своей «розрытой могилой» исторической. Расколъ, вспоминая старину, вопіялъ и вопіетъ:

Не могу быть безъ рыданья.

Страхъ Антихристовъ *миръ* устрашилъ,

Милость съ лестію въ міръ пометалъ,

Законы градскіе всѣ истребилъ,

Временны соборы въ конецъ низложилъ....

Вѣрныхъ соборы истреблены,

Сонмы мерзостей умножены.

Неокентавры завладѣли нами.

Въ сластолюбіи которые,—тѣхъ почтили всѣхъ,

На съдалищахъ первыми учинили,

А соборъ нищихъ возненавидѣли...

Лихоимцы всѣ грады содержать,

Немилосердые—въ городахъ первые.

На мѣстахъ злые приставники....

Ко обычаямъ странъ поганныхъ все преклони-
лись....

Взираи, душе, къ горамъ, равно облакамъ,
Постизай *соборъ малъ оставшихъ христіанъ..*

Какъ бы ни была дорогá большей части на-
рода старая Россія, прошла и она, похоронена
Петромъ Первымъ. Но расколъ остался, и жи-
вучь и силенъ, и по-своему встрѣчалъ XVIII
столѣтіе.

II

Непривѣтлива, безотраднa была для большей
части народа встрѣча новаго столѣтія. На пло-
щадяхъ и улицахъ Москвы еще свѣжи были
слѣды крови народной. Ужасные стрѣлецкіе ро-
зыски, аресты, тюрьмы, допросы, пытки, дыбы,
костры, висѣлицы, кнуты, клещи, колеса, плахи,
кучи смрадныхъ труповъ... Повсюду, по горо-
дамъ, по селамъ, въ домахъ, на улицахъ, въ ка-
бакахъ, въ харчевняхъ, въ монастыряхъ, даже
въ далекихъ, темныхъ лѣсахъ, страшное, по-
стыдное — *слово и дѣло!* И все новыя-и-новыя

жертвы Преображенскаго Приказа и Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи; безпрестанныя жертвы застѣнковъ, пытокъ и казней... Таковы были знаменія реформы Московскаго Государства во Всероссійскую Имперію. «Пытки и казни — выразимся словами Карамзина — служили средствами нашего славнаго преобразованія государственнаго».

Мрачно и грустно встрѣчали новый 1700-й годъ въ самой Москвѣ и по городамъ, купецкіе люди, посадскіе, оставшіеся въ-живыхъ и разосланные по провинціямъ стрѣльцы, старожилы-старики и всѣ, кто любилъ русскую старину. Съ самаго начала 1700 года разнеслась молва, будто съ новаго года «настали лѣта сатанины, «Антихристово время, будто Москва — падшій Вавилонъ!» Весь тотъ годъ ходили въ низшихъ слояхъ народа какіе-то недобрые, зловѣщіе, мрачные, мистическіе слухи про царя Петра Алексѣевича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ народѣ стала ходить молва о какихъ-то бунтовскихъ листахъ и тетрадкахъ. Разыскивали виновника...

Въ одной изъ глухихъ улицъ Москвы, на Ки-

словкѣ, въ бѣдныхъ хоромахъ, почти-постоянно сидѣлъ въ это время у стола мрачно-задумчивый *книгописецъ*. Передъ нимъ на столѣ лежали «бытейскія и пророческія книги» и какіе-то листы, столбцы и тетрадки. На другомъ концѣ стола сидѣлъ его племянникъ и переписывалъ ему «Письма о послѣднемъ времени и объ Антихристѣ». Взялъ онъ бытейскія книги, лѣтописи и хронографы, и по нимъ «считалъ московскихъ царей». И что же? По его счету выходило, что «государь Петръ Алексѣевичъ осьмой царь и Антихристъ!». Утвердившись въ этомъ убѣжденіи, книгописецъ сталъ писать на столбцахъ и тетрадкахъ письма: «Настало-де нынѣ послѣднее время, и Антихристъ въ миръ пришелъ, а Антихристомъ,—въ томъ письмѣ, ругаясь,—писалъ великаго государя, также и иныя многія статьи ему, государю, въ укоризну писалъ, и народамъ отъ него, государя, отступить велѣлъ и слушать его, государя, не велѣлъ, а велѣлъ взыскать князя Михаила, чрезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе... А князь-Михайлово имя въ томъ своемъ письмѣ писалъ онъ для то-

ого: которые-де стрѣльцы разосланы по городамъ, и какъ государь пойдетъ изъ Москвы на войну, и они стрѣльцы собрався будутъ въ Москвѣ, чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкаскаго, для того, что онъ человекъ добрый».

Написавъ эти письма «въ тетрадкахъ и столбцахъ», книгописецъ сталъ читать и раздавать своимъ друзьямъ и знакомымъ, и распространять въ народъ «для возмущенія бунту». Жадно ихъ у него покупали, списывали, читали и слушали. На домъ къ нему приходили слушать эти бунтовскіе листы и тетрадки люди всякаго званія — и попы, и роспопы, и дьяконы, и пономари, и посадскіе — кожевники, иконники, садовники, крѣпостные люди и прочіе. Онъ самъ хаживалъ съ своими тетрадками и столбцами ко всемъ этимъ людямъ, и къ монахамъ въ Чудовъ монастырь, въ мѣщанскую слободу, за курскія ворота, къ иконнику Ивашкѣ Савину, къ садовникамъ, къ портнымъ мастерамъ, и проч. Вездѣ онъ чолъ свои письма и тетрадки о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ, и объ Антихристѣ, и въ разго-

ворѣ говорилъ: «нынѣ—де послѣднее время пришло, и Антихристъ народился, а приводомъ называлъ государя Антихристомъ, а сказывалъ отъ бытейскихъ и пророческихъ книгъ: «въ апокалиписисѣ—де Іоанна—Богослова въ 17-й главѣ написано: «Антихристъ будетъ осьмой царь», и считалъ московскихъ царей, и говорилъ: «а по нашему—де счету осьмой царь онъ, государь, и Антихристомъ его, государя, называлъ». Въ хоромахъ у книгописца жили стояльцы—подъячій патриаршей площади, съ женой. Подъячій этотъ сказывалъ про книгописца: «слышалъ—де отъ него про государя всякія непристойныя слова, чего и слышать невозможно, да онъ же рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ хочеть печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ. И уже вырѣзалъ онъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ сталъ печатать листы.... тѣ листы сталъ раздавать народу безмездно». Но тутъ его схватили въ Преображенскій Приказъ...

Это тотъ виновникъ подметныхъ бунтовскихъ листовъ, котораго отыскивали въ Москвѣ въ 20-хъ числахъ іюня 1700 года. Это былъ из-

вѣстный раскольникъ, Григорій Талицкій. Онъ, какъ было сказано, вычиталъ въ апокалипсисѣ, что восьмой царь будетъ Антихристъ. Потомъ онъ читалъ русскія лѣтописи, и по нимъ считалъ *московскихъ царей*, начиная съ Ивана III-го и съ сына его, Василья Ивановича, который, — по словамъ лѣтописи, — первый повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ польскихъ грамотахъ и въ *исторіяхъ*, и принималъ на себя *областные титула*. Талицкій началъ свой счетъ московскихъ царей съ тѣхъ страницъ областныхъ лѣтописей, гдѣ изображается трагическая, кровавая борьба областей съ Москвою, съ московскими царями, за земскую самобытность и вѣчевую свободу. На этихъ грустно-трогательныхъ страницахъ, областные лѣтописцы сами смотрѣли на московскихъ царей, завоевателей, централизаторовъ областей, съ такою же злобою и антипатіей, и съ той же точки зрѣнія, какъ современники Талицкаго, раскольники, смотрѣли на императора все-россійскаго Петра-Перваго, устроителя новой политико-географической, петербургско-губернской централизаціи областей. Въ Псковской Лѣто-

писи, выразившей энергическій протестъ противъ московскаго завоеванія, Талицкій читалъ разсказъ о завоеваніи Пскова московскимъ царемъ, читалъ трогательный плачь Пскова о лишеніи вѣчевой свободы, и за нимъ — слѣдующую апокалипсическую жалобу псковскаго лѣтописца: «Занеже писано въ апокалипсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуется въ Руси скиѣскаго острова; его бо именуется шестый, а седьмый потомъ еще, а *осьмый Антихристъ*. Се бо приде на ны зима. Сему бо царству расширится, и злодѣйству умножится. Охъ, увы!» Прочитавши такое предсказаніе въ велико-русской, областной, народной лѣтописи, что восьмой царь, изъ московскихъ государей будетъ Антихристъ, Талицкій пересчиталъ по московскимъ лѣтописямъ московскихъ царей и убѣдился, что государь Петръ Алексѣевичъ, какъ восьмой царь, по его счету, Антихристъ. И вотъ, онъ хотѣлъ поднять разосланныхъ по областнымъ городамъ стрѣльцовъ противъ Москвы, какъ противъ царства Антихристового. И для этого, — какъ ска-

зано въ одномъ указѣ 1701 года, — «ради возмущенія людей, писалъ онъ письма о пришествіи Антихристовѣ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе послѣдовали.» Съ этого времени, ученіе раскола объ Антихристѣ окончательно получило историко-политическій смыслъ и во всей полнотѣ выразилось въ раскольничьемъ сочиненіи «Объ Антихристѣ, еже есть Петръ I-й». Такимъ-образомъ, какъ въ первыхъ московскихъ царяхъ, централизаторахъ, завоевателяхъ, собирателяхъ великорусскихъ земель, областей, царствъ и государствъ, разрушителяхъ особно-областнаго земскаго строенія и общинновѣчеваго самоуправления великорусскихъ областей, областныя общины, особенносильныя сознаниемъ вѣчевой самобытности, свободы, видѣли предшественниковъ государя-Антихриста; такъ точно въ Петръ-Первомъ, разрушитель, уничтожитель созданной областными общинами въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ и на общемъ земскомъ соборѣ 1613 года соединенно-областной федерации и земскихъ соборовъ, уни-

чтожитель общинно-областной челобитной со-
вѣщательности, гласности передъ правитель-
ствомъ, нововодитель губернскаго и провин-
ціального росписанія областей, великомъ центра-
лизаторѣ земско-областной администраціи, эконо-
міи, мѣстныхъ рабочихъ силъ, и проч. — въ
Петрѣ-Первомъ расколъ призналъ давно пред-
сказаннаго областными лѣтописями московскаго
государя-Антихриста.

Согласно съ Талицкимъ, все земскіе люди,
недовольные реформами Петра, утвердились въ
томъ убѣжденіи, что съ 1700 года окончательно
утвердился въ Великороссіи, въ лицѣ Петра
I-го, Антихристъ; что Москва стала падшимъ
Вавилономъ; что нужно бѣжать въ пустыни, въ
лѣса изъ царства Антихристова и основывать
свои новыя согласья и общины. Вездѣ — въ Мо-
сквѣ, въ областныхъ городахъ, въ селахъ, въ
домахъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ лавкахъ,
въ кабакахъ, по дорогамъ, въ далекихъ дрему-
чихъ лѣсахъ, вездѣ шелъ говоръ, что царь Петрѣ
Алексѣевичъ — Антихристъ. Вотъ, въ Москвѣ,
идеть солдатъ Розстригинъ съ званымъ гостемъ,

служилымъ челоѡкомъ Левинымъ, домой; и дорогой говоритъ о Петрѣ: «Я не знаю что дѣлать, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь: онъ Антихристъ.» — «Я давно знаю,—отвѣчаетъ Левинъ:—что онъ не прямой царь, а Антихристъ.» Вотъ духовникъ князя Меншикова, крестовый попъ, прозваньемъ Лебедка, того же убѣжденія, о томъ же ведетъ разговоръ съ Левинымъ и другими знакомыми: «Петръ—Антихристъ, онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ: знамо, что государь его убилъ»... Солдаты говорили Левину, что «привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить Антихристовымъ клеймомъ, и самъ государь по нихъ ѣздилъ и привезены въ Котлинъ». Особенно самъ этотъ Левинъ, до болѣзненной экзальтаціи и энтузіазма, до умопомѣшательства убѣжденъ былъ и вездѣ и всѣмъ проповѣдывалъ, что Петръ—Антихристъ. Въ Пензѣ, въ церкви, онъ кричалъ народу: «Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ!.. Государь нынѣ загналъ весь народъ

въ Москву и весь его погубить!... будетъ пятнать ихъ и стануть они въ его вѣрвать!» Въ пустынь Жадовской игумену онъ говорилъ тоже: «Нынче послѣднее время, Антихристово пришествіе... Привезены въ Санктпетербургъ печати... хотятъ людей печатать... Государь — Антихристъ!» На базарѣ, толпѣ, народной, онъ кричалъ: «Послушайте, христіане, послушайте!... Въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а Антихристъ!..... Антихристъ!..... И весь народъ мужеска и женска пола онъ будетъ печатать... Бойтесь этихъ печатей, православные! бѣгите, скройтесь куда-нибудь!.. Послѣднее время... Антихристъ пришелъ!... Антихристъ!»..... Тамъ, далеко, въ лѣсахъ керженскихъ, тоже шель разговоръ о Петрѣ-Антихристѣ. «Куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра?»—говорилъ насмѣшливо раскольникъ Кузьма Павловъ на рѣчи казака Левшутина:—«въ книгахъ писано, что онъ, Антихристъ, лукавъ... А чоль ты тетрадь учителя Кузьмы Андреева? Лихо на него Петра въ тетрадкѣ показано». Раскольникъ Никита Никифоровъ при-

вель на это доказательство:— «Нынче былъ у насъ съ Починокъ человекъ, былъ въ Петербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъ-де онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ человекъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ поругательство! Да что, полно говорить; страшно; называемъ его Антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу? Видите вы и сами, какое смятеніе и между нами». Тутъ перебилъ рѣчь другой: «Что мотаться! Антихристъ онъ, да и все тутъ!» и т. д. шли разговоры. Такъ говорили многіе, и весьма-многіе, во всѣхъ концахъ Россіи, и поминали Талицкаго...

И вотъ, многочисленныя массы земства, движимыя убѣжденіемъ, что въ Великороссійскомъ Государствѣ, въ губерніяхъ и провинціяхъ, вновь росписанныхъ по указу, изъ «ближней канцеляріи, изъ кабинета царскаго величества», царствуетъ богоборный Антихристъ-Петръ — отшатнулись отъ имперіи и пошли во *оземствование*, въ пустыни, въ горы, въ лѣса, устроять для себя новыя, свободныя отъ власти Антихриста, области.

На основаніи убѣжденія, что православныя городскія и сельскія общины, росписанныя Петромъ на губерніи, провинціи и уѣзды, повинующіеся Антихристу и приставникамъ его, — губернаторамъ и прочимъ властямъ, — суть области царства Антихристова, расколъ сталъ развиваться, на новыхъ мѣстахъ, свои народныя общины, нераздѣляя ихъ на города и села. По общинному значенію ихъ, расколъ называлъ ихъ *согласіями*, сообразно съ сельскими *мірскими согласіями*, какъ назывались крестьянскіе *мірскіе сходы* (напримѣръ, писалось въ первой половинѣ XVIII вѣка: *по описи по мірскому согласію* отдали и т. п.). Какъ демократизмъ донскихъ казаковъ возводилъ до религіознаго значенія, освященія, казачьи *рады*, *круги*, такъ великорусскій расколъ, расколъ массы земства облекъ въ религіозно-демократическую форму крестьянскія *мірскія согласія*. По мѣрѣ развитія раскола, согласія разнообразились и умножались. Такъ, при Петрѣ, пастухъ или скотникъ даниловскаго согласія, при Андрѣе Денисовѣ, основалъ *пастухово или адамнтово согласіе*, которые учило, что воцарив-

шійся Антихристъ даетъ свою печать наипаче въ паспортахъ, посему должно отрицать паспорта, — прикрѣпленность къ мѣсту или къ согласію. Это ученіе приняли всѣ согласія раскола, такъ-какъ всѣ они отрицали припись, прикрѣпленность къ Антихристову мѣсту или къ сословію. Всѣ они уже при Петрѣ-Первомъ, несмотря на страшныя препятствія и полную гражданскую безправность, стали стремиться къ выходу изъ Антихристовыхъ областей и къ новому свободному территоріальному, земскому, колонизационному устройству. Каждое согласіе стремилось основать свою область или федерацію, союзъ нѣсколькихъ мѣстныхъ общинъ. Такъ въ общихъ чертахъ началось колонизационное общинно-областное самоустройство раскола во время гоненія и бѣгства старовѣровъ изъ Антихристова царства въ лѣса, пустыни и горы.

На сѣверѣ, въ Новгородско-Поморской области, въ 1705 году, возникаетъ новое согласіе — еедосѣевское, и также учитъ, что царь Петръ Алексѣевичъ — Антихристъ, что отнюдь не должно признавать его власти надъ собой. Велѣдствіе

такого ученія,— по свидѣтельствѣ раскольничьей Выговской Лѣтописи,— постоянно собирались въ Поморье отъ гоненья Антихристова старовѣры, отовсюду приходили всякаго рода люди, и поморскій расколъ стремился къ завладѣнію всею древнею *Поморскою Областію*, или Сѣвернымъ Поморьемъ, къ самостоятельному, общинно-областному самоустройству, экономическому и народному саморазвитію и къ общинному выборному самоуправленію. Въ царствованіе Петра, въ Сѣверномъ Поморьѣ образовалась уже федерація изъ 13-ти скитовъ, или становъ, общинъ, наподобіе старинныхъ посадовъ, или селъ, гдѣ селились мужчины и женщины, и свободно занимались торгомъ, пашнею, рыболовствомъ и разными промыслами. Колонизаціонная связь и совокупность всѣхъ поморскихъ скитовъ и, примыкавшихъ къ выгорѣцкому общежителству по рѣчной системѣ Выга и по расколу, погостовъ, образовала одно цѣлое федеративное или союзное согласіе, наподобіе одной волости или области. Раскольничья колонизація Поморья была сильная: отовсюду бѣжали туда крестьяне, по

садскіе, бобыли, солдаты, казаки и всякихъ чиновъ люди. Тамъ искали спасенія отъ Антихриста. Къ 1729 году поморскій расколъ завладѣлъ бѣльшею частью олонецкихъ волостей, которыя встарину были новгородскими *черными*, народо-правными. Въ этомъ году число поморско-олонецкихъ раскольниковъ дошло до 12,448 чело-вѣкъ.

Въ то же время, въ Псковско-Новгородской области распространилось ученіе, что Антихристъ пришелъ въ міръ уже въ 1688 году, и живетъ онъ «духовнѣ по дѣйству» въ Велико-Россіи. Въ связи съ новгородско-поморскою раскольничьею областью, и псковскія и новгородскія общины выразили свою мѣстную религіозную автономію, антагонизмъ Москвѣ, какъ царству Антихристову. Въ царствованіе Петра, новгородско-поморскіе раскольничьи историографы, въ укоризну Москвѣ и наперекоръ московскому собору 1667 года, внесли въ свою исторію сѣвернаго, псковско-новгородско-поморскаго раскола извѣстную, любимую раскольничью, повѣсть «*О новгородскомъ блѣломъ клубукѣ*», и въ историческомъ сборникѣ

своемъ поставили ее на ряду съ «Исторією объ отцѣхъ и страдалцѣхъ Соловецкихъ», въ числѣ которыхъ были псковскіе и новгородскіе страдальцы, и вмѣстѣ съ знаменитою «Соловецкою челобитною». Достойно также замѣчанія, въ этомъ отношеніи, что въ 1722 г. посланный отъ синода монахъ Неофитъ, для разглагольствія съ выговцами о церковномъ несогласіи и устроеніи, обратилъ вниманіе на древнюю самобытную жизнь Сѣверно-Поморской области, до покоренія ея Москвѣ, до XVI вѣка, когда Сѣверное Поморье было независимо отъ Москвы, московской епархіи и московскаго православія, когда св. Софія Новгорода и Соловецкій монастырь, независимо отъ Москвы, распространяли тамъ христіанство и когда Сѣверно-Поморская область отличалась своеобразнымъ, преимущественно мірскимъ, часовеннымъ религіознымъ устройствомъ. Неофитъ спрашивалъ поморцевъ: «До царя Ивана Васильича православную ли имѣли вѣру?»— «Всѣ православные Россіяне, — отвѣчали поморцы: — отъ начала крещенія и до царя Ивана Васильича, яко же о семъ многія исторіи засвидѣтельствуютъ»

Изъ Поморской области, а отчасти изъ московско-волжскихъ городовъ, религиозно-гражданское ученіе объ Антихристѣ распространилось въ *Низовомъ краю*, въ Поволжьѣ. Тамъ въ темной, дремучей глуши лѣсовъ керженскихъ, за трясинами и болотами, въ скитахъ и починкахъ лѣсныхъ, около 1713 года, училъ новопришельцевъ мужичокъ Кузьма Андреевъ. Онъ проповѣдывалъ, что «царь Петръ Алексѣичъ—Антихристъ, отъ гданова колѣна, архіереи—еретики, а господа всѣ, которые при милости государевой—Антихристовы слуги!»... Утверждая такое вѣрованіе, Кузьма Андреевъ заботился о распространеніи новой раскольничьей области въ керженскихъ лѣсахъ, въ противоположность Антихристовымъ населеннымъ мѣстностямъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, учрежденныхъ Петромъ. Онъ увлекалъ жителей изъ окрестныхъ городовъ и сель и увѣщевалъ новопришельцевъ оставаться у нихъ въ лѣсной общинѣ, гдѣ ужъ много было всякихъ чиновъ людей. «Внѣ лѣсовъ—говорилъ онъ—нынѣ царство Антихристово... Я

шлюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ Антихристъ есть, и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, поумрутъ!... И дѣйствительно, при Петрѣ была сильная раскольничья колонизація Нижегородской лѣсной области — лѣсовъ керженскихъ, полемскихъ, каменныхъ, салавирскихъ, лысковскихъ, дорогучинскихъ, гвилицкихъ и другихъ. Въ этихъ лѣсахъ уже тогда насчитывалось до 94-хъ скитовъ, которые съ починками образовали федерацію, союзъ разсѣянныхъ въ лѣсахъ дворовъ и келій. Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ трехъ только уѣздахъ: Балахнинскомъ, Семеновскомъ и Макарьевскомъ, считалось около 30,000 раскольниковъ, что составляло гораздо больше трети тогдашняго общаго населенія тѣхъ уѣздовъ. Въ 1719 году раскольниковъ въ Нижегородскомъ краю считалось уже 86,000 обоюго пола, такъ что на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника.

Въ древнемъ Астраханскомъ царствѣ, уже послѣ 1698 года, распространилось раскольничье

ученіе о Петрѣ, какъ объ Антихристѣ. Здѣсь Петра называли «Антихристомъ», «неочесливымъ» и не желали ему здоровья. Стрѣльцы и казаки, подъ знаменемъ раскола, снова замышляли идти противъ Москвы. Атаманъ Носовъ, заводчикъ астраханскаго бунта, раскольникъ, говорилъ посадскому Бородулину и его товарищамъ: «Идите и управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами; а на весну и мы къ вамъ будемъ». Астраханская раскольничья пропаганда находилась въ связи съ донскою.

Точно также, ученіе о пришествіи и воцареніи въ Великороссіи Антихриста въ лицѣ Петра I-го, распространилось въ лѣсахъ стародубскихъ, въ Оренбургскомъ-краю, по всей Уральской Области и за Ураломъ въ Сибири. И въ эти области бѣжали тысячи вѣрившихъ ученію о Петрѣ-Антихристѣ, бѣжали изъ царства Антихриста, и основывали, въ лѣсахъ и въ горахъ, новыя общины, согласія; стремились собраться, сосредоточиться въ новыя вольнонародныя, религіозно-гражданскія областныя общины. «Когда въ Велико-россіи, — читаемъ въ исторіи о бѣгствующемъ

священствѣ, — что день, то умножались гоненія на старовѣрцевъ, тогда многіе народы, оставляя свои природныя мѣста, сродниковъ и друзей, текли въ Стародубскую область и тамъ населяли пустыни: такъ населился Бѣлый-Кладязь, Синій-Кладязь, Замшнево, Шеломы Слободы. Такъ населили они 17-ть богатыхъ, промышленныхъ слободъ, образовавшихъ особую, въ XVIII-мъ вѣкѣ, хорошо-устроенную раскольничью федерацію: «И тѣ слободы, — по словамъ одного указа, — расселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число бѣглыхъ изъ разныхъ городовъ богатыхъ купцовъ». На Уралѣ, около частныхъ заводовъ, въ лѣсахъ, собирались Олончане, Туляне, Нижегородцы и другіе великорусскіе люди; устроились въ пустыни, и мало-по-малу завладѣвали уральскими заводами и мануфактурами — жестяной, проволочной, стальной, укладной и прочими. Богатые промышленные раскольники на заводахъ уральскихъ, пермскихъ и оренбургскихъ нарочно дорого платили рабочимъ изъ раскольниковъ, чтобъ перезвать отовсюду какъ-можно больше приверженцевъ своихъ согласій,

общинъ для колонизаціи Уральской области, для независимаго, самобытнаго територіальнаго общинно-областнаго самоустройства и самоуправленія. И вольные охочіе люди изъ дальнихъ мѣстъ приходили къ нимъ. Въ Сибири, тысячами душъ выѣзжалъ народъ изъ правительственныхъ городовъ и изъ тяглыхъ слободъ въ пустыни, оставляя дворы, животы, скотъ и хлѣбъ; устроился въ новыхъ, вольныхъ слободахъ, въ родѣ Утяцкой-слободы, и стремился устроить новую, самостоятельную, свободную область по рѣкѣ Тоболу съ притоками, устроить свое общинное самоуправленіе и свободное общинное экономическое саморазвитіе.

Короче сказать, мысль о воцареніи Антихриста въ Великороссіи со времени Петра, мысль о мірскомъ смущеніи отъ *страха Антихристова* такъ была нестерпима для бóльшей части народа, такъ мучила духъ народный, что многочисленные массы земства забывали всѣ свои страдальческіе, вѣковые историческіе труды, работы въ великомъ дѣлѣ первоначальной древней колонизаціи, обстройкѣ Россіи городской и сель-

ской; оставляли свои города и села, и шли въ лѣса, въ горы, въ пустыни, снова устроить, колонизовать свою любимую Россію по плану стараго земскаго строенія. Словно рай потерянный искали они свою *старую Россію въ пустыняхъ, въ лѣсахъ*. Недаромъ съ XVIII-го вѣка любимѣйшими стихами раскольниковъ были стихи о прекрасныхъ пустыняхъ, о скитахъ и общинахъ въ лѣсахъ, на крутыхъ горахъ, и т. п. А сколько труда положилъ, какую богатырскую, страдальческую, или именно, какъ говорили наши предки *страдомую* работу совершилъ нашъ простой народъ въ древней Россіи, когда шелъ, проторгался черезъ всѣ лѣса и рѣки Великорусской Земли съ своимъ топоромъ, косою и сохой; поставлялъ, путемъ торга, такіе цвѣтушіе встарину города, какъ Славно-Торгъ или Великій-Новгородъ, Новый-Торгъ и Торжокъ, Вологда и Холмогоры; поставлялъ, путемъ гостыбы въ Чуди, въ Лоши, погосты; посажалъ на черномъ дикомъ лѣсу починки, деревни, села и черныя, народоправныя общины; путемъ этихъ безчисленныхъ *ивашковыхъ починковъ, сенькиныхъ съдѣній*, и потомъ,

въ-добавокъ, несъ на себѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до народогубительной постройки Петербурга, тяжелую повинность *городоваго дѣла*. Древнія писцовыя книги, всѣ изукрашенныя, испещренныя, наполненныя именами мужичковъ-колонизаторовъ, строителей, культоровъ Русской Земли, служатъ нагляднымъ памятникомъ этой великой исторической работы и заслуги древнерусскихъ гостей, кунцовъ, посадскихъ и особенно крестьянства. И теперь всѣ эти труженики, строители древней Россіи, городской и сельской, считая грѣхомъ быть записанными не въ писцовыя старыя книги, а въ подушную *переписную книгу* Петра I-го, въ книгу ревизіи душъ, притяженія, прикрѣпленія личности, души царю, отвлеченной идеѣ государства, оставляютъ свое старое земское строеніе, подвергаются добродушно *оземствованію*, бѣгутъ въ лѣса, въ горы и въ пустыни, чтобъ спасти души отъ Антихриста и вновь колонизовать области, устроить посады, слободы вольныя, свободныя, на началахъ свободнаго общиннаго самоустройства и общиннаго самоуправления. По собственнымъ словамъ

ихъ, страхъ Антихристовъ возвъялъ на міръ, произвелъ мірское смущенье, побуждалъ ихъ бѣжать изъ міра въ пустыни. И вотъ почему, пустыня, въ Антихристовы лета гоненья, была для гонимыхъ старовѣровъ прекрасною матерью, любезною дружиною. Вотъ одинъ изъ любимѣйшихъ ихъ стиховъ:

Прекрасная мати пустыня,

Любезная моя дружина!

Пришелъ язь тебя соглядати.

Потщися мя воспріяти,

И буди мнѣ яко мати,

Отъ смутнаго міра пріими мя,

Со усердіемъ въ тя убѣгаю.

Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,

Пойду по горамъ, по вертепамъ,

Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.

Поставлю въ тебѣ малую хижу,

Полезное въ ней азъ увижу.

Кокушка въ тебѣ воскокуеть,

Умильный гласъ испущаетъ,

И та мене поучаетъ.

Пойду язь въ лѣса разгуляться,

Плодовитыя древа соглядати,

И тѣ мнѣ пользу показываютъ,

Труды любить прообразуютъ.
На которомъ деревѣ плода нѣту,
И тѣ мене поучаютъ.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ смутнаго міра прими мя,
Аще изъ тебя и погонять,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ, что и быти,
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже Антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя,
Потщахся въ тебе убѣжати.

И такъ одинъ за другимъ сбѣгались старовѣры въ пустыни, и мало-по-малу заселяли ихъ. По собственнымъ словамъ, стекались они въ пустыни, на новыя мѣста, «изволяюще странствіе, оземствование паче утѣшенія своими мѣстами, отъ которыхъ отступались, и сицевыми народами пустыя мѣста и звѣропаственныя населя-

хуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе показася, трава и терніи растущія въ вертограды и садовія обратшася, гради вторіи показашася населеніемъ чловѣкъ». И все это стремленіе ихъ къ новому колонизационному, общинноэкономическому самоустройству проистекало изъ одного убѣжденія, что въ прежденаселенныхъ городахъ и селахъ великорусскихъ, въ имперіи, водворился «Антихристъ, иже есть Петръ I-й». Это внутреннее, непреодолимое убѣжденіе твердило имъ, вопіяло въ нихъ: «Удалятися и бѣгати намъ подобаетъ во Антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна-Богослова, въ главѣ 12-й, писано, яко Церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи рабы Христовы, побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и лѣстити и искореняти останокъ Русіи, своя новыя умыслы уставляя... Господь чрезъ Іеремію пророка зываетъ: изыдите, изыдите люди моя изъ Вавилона!»

— Что жь, однако, какая магическая сила увлеченія была въ этомъ убѣжденіи раскола? Ужели

тутъ мотивировало массы одно отвлеченно-религіозное, религіозно-фантастическое или мистико-апокалипсическое вѣрованье? Нѣтъ, не думаемъ, да и нельзя думать такъ. Народъ русскій до того практиченъ, до того склоненъ къ реализму, къ положительности, до того неспособенъ оторваться отъ *земли* за облака, что *землю* взялъ за основу всего своего общиннаго устройства, социальную гражданственность называлъ *земскимъ строеньемъ*, людей называлъ *земскими людьми*, ихъ собранія и думы *земскими совѣтами*, *земскими соборами*, статистическія таблицы *землянымъ дѣломъ*; единицы измѣренія и исчисленія у него были непосредственно-натуральныя, на примѣръ: стрѣляніе лука, выть, обжа, вода и т. п. Естественность возрѣнія до такой степени была въ духѣ народномъ, что, вотъ, только-что возникшее новое *согласье* раскола — *пастухово*, учить, что должно ходить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: мостовая-де каменная Антихристова выдумка. Такъ точно и всѣ массы раскола, крѣпко держась, по старинѣ, за *землю*, за *земство*,

за *земское устроенье* и, подвергшись, въ Анти-христово время, *оземствованію*, пошли на новыя земли, въ лѣса и горы, искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго свободнаго земскаго устроенья. Если тутъ есть что-нибудь мистико-идеалистическое, такъ это только идеальное умозерцаніе и исканіе свободнаго соціального, народноправнаго самоуправства, саморазвитія и самоуправления, по реальной идеѣ крестьянскаго *міра*, *мірскаго согласья*, *мірскаго схода* и крестьянской общины.

Какіе же, однако, были эти реальные, практическіе, положительные, непосредственно-жизненные мотивы эмиграціи, *оземствованія* раскола и стремленія къ новому самостоятельному, независимому земскому устроенію? Поищемъ, спросимъ, не скажетъ ли намъ объ этомъ кто-нибудь изъ самихъ раскольниковъ или изъ современниковъ Петра, а потомъ и всѣ согласія раскола петровской эпохи. Поищемъ въ архивахъ собственныхъ раскольничьихъ сочиненій, ихъ историческихъ сказаній о состояніи народа во времена Петра. Въ то же время, письменность

раскольниковъ получала широкіе размѣры и самое либеральное направленіе. У раскольниковъ же были талантливые писатели, въ родѣ исторіографовъ Денисовыхъ. У нихъ были свои бібліотеки, и даже ужь возникали первыя въ Россіи книжныя лавки. «Въ Москвѣ—читаемъ еще въ соборномъ актѣ 1681 года—всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ, и на листахъ и въ столбцахъ выписки, именуя отъ книгъ божественнаго писанія и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святой церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину, и вырастаетъ оттого на святую церковь противленіе». Мысль, ученіе раскола такъ были жизненны, полны вопросовъ, что и слово его изливалось обильно. Въ царствованіе Петра, раскольниковъ литература сильно распространилась и получала не только противоцерковный, но и гражданско-демократическій смыслъ. Многое бы можно было узнать изъ этой раскольниковъ письменности петровскаго времени, еслибъ перечитать ее. Къ-

сожалѣнію, гоненія, тогда воздвигнутыя на раскольничьи книги и рукописи, истребили ихъ. Петръ-Первый, указомъ 1701 года января 31, запретилъ монахамъ держать по кельямъ чернила и бумагу. А съ 1720 года, октября 5-го, является у насъ *ценсура*, или предварительный просмотръ рукописей, по слѣдующему поводу: «Содѣлалось извѣстнымъ — говорить указъ — что въ типографіяхъ черниговской и свято-троицкой-ильинской и въ кіево-печерской печатаются *со многою противностью* восточной Церкви, напимѣрь, въ первой изъ нихъ напечатанъ *учебный часословъ* съ ересью *раскольническойю* и *книга богомислія*, гдѣ явилась многая лютеранская противность. Вслѣдствіе того, указано не печатать въ этихъ типографіяхъ ни одной книги *безъ дозволенія духовной коллегіи*. Затѣмъ слѣдовалъ указъ 1721 г. марта 20, которымъ воспрещалось продавать въ Москвѣ изображенія духовнаго содержанія и книги писанныя и печатныя *безъ дозволенія, подѣ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія*. Затѣмъ, въ 1724 г., указомъ Синода

предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольничьи рукописныя книги. Такимъ-образомъ, выходятъ справедливыми слѣдующія слова недавно-вышедшей раскольничьей «Церковной Исторіи»: «Старовѣры говорятъ, кому неизвѣстенъ духъ Петра I-го, какой былъ ненавистникъ древности. Всѣ, со времянь Алексѣя Михайловича, памятники истреблены при Петрѣ! Впрочемъ, хотя многіе современные памятники вѣчному забвенію преданы, и старообрядцамъ въ Россіи, подѣ строгимъ наказаніемъ, отъ лѣтъ Никона, да и до нынѣ совершенно уста заключены писать о церковныхъ перемѣнахъ; но, однако, у старовѣровъ малыя нѣкія тетрадные изъ рукъ въ руки переписки влекутся».

Воспользуемся и мы этими «тетрадными переписками», какія есть подѣ руками, для того, чтобъ хоть сколько-нибудь уяснить тайные, сокровенные мотивы земскихъ стремленій раскола съ XVIII-го столѣтія. Но, напередѣ, попытаемся, не найдемъ ли какое-нибудь *подметное письмо* отъ сторонниковъ земства и раскола противъ Петра и его нововведеній. Подметныхъ же пи-

семь, послѣ Талицкаго, являлось множество. Самъ Петръ писалъ въ именномъ указѣ 1715 года января 25: «Многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольническихъ вымысленій, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой изливаютъ». Въ этомъ же, 1715 году, въ Петербургѣ, у симоновской церкви, одинъ старикъ подкинулъ противное Петру письмо, «не для чего иного, только собользнуя о народѣ, *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей*». Потомъ, въ Москвѣ, приходскій попъ Авраамъ бралъ у того же старика какія-то «сочиненныя имъ воровскія о возмущеніи народа противъ царскаго величества тетради, бралъ ихъ на домъ, читалъ и держалъ больше недѣли». Потомъ, возвращая эти письма старику, попъ говорилъ, «что то онъ дѣлаетъ хорошо». Что это за «воровскія письма въ возмущеніи народа противъ его величества писанныя *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей?*» Не найдется ли въ нихъ чего-нибудь для объясненія раскольничьяго ученія о *послѣднемъ времени* и объ *Антихристѣ*, еже

есть Петра I-й, для объясненія этого неудержимаго бѣгства многочисленныхъ массъ народа, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣсныя согласія, отъ «даней многихъ и новшествъ» Петра? И кто сочинялъ и подкидывалъ всѣ эти письма? Поищемъ и разсмотримъ.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ 1718 г., въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ домѣ, въ бѣдной палатѣ своей, сидѣлъ съ листомъ въ рукѣ, старикъ, глубоко задумавшись. Передъ нимъ на столѣ разбросана была кipa тетрадей. Въ одной тетрадкѣ, въ четвертую долю, на 18 страницахъ, «выписано вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова, *ко признанію мужа характера, дѣло гражданина*, при смѣшеніи судіи и законоположника: послѣдняго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго измета ученіе». Въ концѣ этой тетрадки — приписка старика о *характерѣ, о дѣлѣ гражданина*, съ намекомъ на характеръ Петра I-го: «а той образъ такой же внезапно найде на насъ» приписалъ старикъ, сказавши «о злыхъ и горькихъ многихъ видахъ того характера». Возлѣ лежали

выписки изъ апокалипсиса, изъ псалмовъ Давида, изъ другихъ библейскихъ книгъ и изъ твореній Григорія Богослова и Григорія Назіанзина. Далѣе, въ четвертой тетрадкѣ, кромѣ выписокъ изъ Григорія Богослова, приписано самимъ старикомъ въ началѣ какое-то «моленіе къ величїимъ господіемъ, сопрестольнїимъ судїямъ и вождемъ», а въ концѣ — «къ архипастыріемъ всея вселенныя, великія Россїи учителемъ». Въ концѣ такая, между-прочимъ, приписка старика: «написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чьимъ свѣше повелѣніемъ *отъ многой туги и скорби своей видѣлъ озлобленіе и преткновеніе израилевыхъ людей*, за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ неповинно влекущихъ, но молю стократно вашу святыню... у земнаго царя прилежно упросите, чтобъ онъ *за великимъ страхомъ своимъ* не повелѣлъ вамъ мя предати духовной казни». И много другихъ бумагъ лежало на столѣ.

Старикъ держалъ въ рукѣ письмо, которое начиналось текстомъ такъ: «Божественное писаніе глаголетъ, слушателие православные; что

есть человекъ, яко помниши его... Славою и че-
стию вѣнчалъ еси его, поставилъ еси его надъ
дѣлы руку твою, вся покорилъ еси подъ нозѣ
его, ничто же остави ему непокорена, покорена
ему суть всяческая, сотвори его Богъ по образу
и по подобію своему и самовластну повелѣно
быти». Подлѣ, на столѣ, лежалъ особый листъ,
на которомъ написанъ былъ отдѣльно этотъ же
текстъ. На глубокія и вмѣстѣ грустныя думы на-
водилъ старика этотъ стихъ, которымъ начина-
лось письмо. Онъ думалъ о высокомъ достоин-
ствѣ человека, о его естественномъ правѣ на
личную свободу, на полное самоуправленіе, даже
на покореніе себѣ природы. И потомъ, вдругъ
послѣ этой думы, старческой лобъ его нахмури-
вался, напрягался глубокими морщинами, какъ-
бы нависая надъ глазами, а глаза нѣсколько вка-
тывались, впадали въ глубь подлобья. И мрач-
ная туга, скорбь, грустная дума отражались въ
эту минуту на лбу старика. Отъ идеала текста
мысль его переносилась къ мрачной, грустной
дѣйствительности въ судьбѣ русскаго человека.
Отъ высокаго идеала текста, старикъ перенесся

къ печальному состоянію всего русскаго народа, въ то тяжелое время казни стрѣльцовъ, жестокихъ рекрутскихъ наборовъ, непрерывнаго увеличенія налоговъ и сборовъ съ міру, безчеловѣчныхъ правей, гибели посылаемаго народа тысячами въ Петербургъ, жестокаго гоненія раскола, и проч. Отъ идеала текста дума старика пронеслась по всей широкой Землѣ Вѣликорусской, по всѣмъ городамъ и селамъ, по всѣмъ хижинамъ горя-злочастья, и даже по лѣсамъ заповѣднымъ... И вдругъ, морщины на лбу у него сгладились, глаза сверкнули огнемъ, и тяжелая туга души, боль сердца облегчилась восторженной, твердой рѣшимостью... И пятидесяти-семи-лѣтній старикъ, бывшій подъячій въ Артиллерійскомъ Приказѣ, старообрядецъ Докукинъ, рѣшился прибить въ Петербургъ, на площади у Троицкой церкви, возлѣ дворца Петра, сочиненное имъ возмутительное письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ. Изъ этого-то письма мы узнаёмъ, что тогда, кромѣ многаго другаго, мучило, *раскалывало* пополамъ земство, не только разъединяло, расщепляло его на сословія, но

и отторгало, отщепляло отъ него огромную массу народа въ расколъ. Какъ многочисленныя массы земства бѣжали, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣса и пустыни, отрекались отъ государства по тому убѣжденію, что настало послѣднее время Антихристово, такъ и Докукинъ хотѣлъ взбунтовать народъ, также «признавая, яко бы *нынѣшнее послѣднее время*». Съ этой точки зрѣнія, онъ раскрылъ намъ многія жизненныя причины, побуждавшія народъ бѣжать въ лѣса и пустыни, для новаго самоустройства и торгово-промышленнаго обзаведенія. Вотъ то письмо, которое Докукинъ хотѣлъ прибить у Троицкой церкви:

«Божественное писаніе глаголетъ, слушателие православныя: что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человеческій, яко посѣщаеши его, умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангель, славою, честью вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твою, вся покорилъ еси ему подъ нозѣ его, ничто же остави ему непокорено, покорена же суть ему всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну ему повелѣно быти.

«Что смѣемъ отвѣщать противу слова сего, мы, отъ новаго Израиля и Иерусалима, живущіе во Христовѣ вѣрѣ царствующаго града Москвы и прочихъ россійскихъ градовъ жительствующіе? речемъ ли что противу силы онаго божественнаго писанія, или оставимъ? Если *нынѣ* вѣрно намъ слово сіе, или *ни отвѣщаемъ ли что, или положимъ устомъ своимъ хранило, понеже тако противу рожна прати...*

«Но зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь живущіе на землѣ, отъ онаго божественнаго дара многіе отрѣзаемы и свободной жизни лишаемы, гонимы изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ... и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле уставленныхъ законовъ лишились; о суетныхъ своихъ дѣлахъ и въ лестныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего славянскаго языка и платья перемѣнили, главы и брады обрили и персоны свои ругательски

обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты разн-
 ствія съ иновѣрными языки... послѣдуемъ ихъ
 нравамъ и законамъ... Смѣшашася языкомъ и дѣ-
 ломъ ихъ навыкоша, а свои христіанскіе обѣты
 опровергоша... и правый путь у насъ исчезоша,
 страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша... и
 неудобной и стремнинной путь себѣ многими тру-
 дами и потоми приобрѣтоша, свободныя власти и
 чести отпадоша, по оному божественному пи-
 санию намъ дарованныя, видимъ дѣломъ совер-
 шаемо, а не письму сему послѣдуемъ. Древета
 самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду за-
 повѣданы быша, рыбныя ловли и торговые и за-
 воцкіе промыслы отняты многіе и вездѣ бѣдами
 погружаемы, на правежахъ стоя отъ великихъ
 и несносныхъ податей и не... оброковъ налагае-
 мыхъ, голодомъ истаеваемы и многіе отъ того
 умерщвляемы, дома и приходы запустѣли, свя-
 тыя церкви обетшали, древодѣлей и каменостѣ-
 цевъ отгнали, плинѣны на созидація церквей и до-
 мовъ дѣлать заказали, на воздухъ пути намъ къ
 жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути
 не сыскали, а пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ

щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ вос-
приняли и всѣми благами ихъ наградили, а хри-
стіанъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и съ по-
датель своихъ голодомъ поморили и до основанія
всѣхъ разорили и отечество наше пресловущіе
грады... опустошили. И что иное рѣщи! И писа-
нія неудобно изнести: удобнѣе устномъ своимъ
ограду положить. Но вельми сердце ми болитъ,
видя опустошенія новаго Іерусалима и людѣ въ
бѣдахъ явленъ нестерпимыми язвами...»

Вотъ какіе горькіе мотивы, между-прочимъ,
двинули многочисленную массу земства въ ра-
сколь, въ лѣса... Остановимся на нѣкоторыхъ
изъ нихъ и подумаемъ...

Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ,
вопіяли при Петрѣ, во-первыхъ, противъ *лише-
нія свободной жизни*, и многіе оттого бѣжали
въ расколь. Этотъ вопль былъ не только вы-
раженіемъ естественнаго права народнаго, но и
проистекалъ изъ историческихъ, изстаринныхъ
воспоминаній приверженнаго къ старинѣ народа.
Встарину, всѣ земскіе люди, гости посадскіе и
крестьяне, пользовались полнымъ правомъ жи-

тейской свободы, жили *на всей своей воле*. Горбжане назывались *вольными мужами*; крестьяне тоже — *вольными, охочими людьми*. Свобода была основой земского, территориального устройства народной жизни. Принципомъ свободного перехода земскихъ людей было правило: *вольнымъ воля*. Въ самомъ названіи усадьбы, осыдлости, ассоціаці вольнаго, свободного труда выразилась идея свободы: свободное торгово-промышленное поселеніе называлось *слободой* — отъ слова *свобода*; писалось: *ослободилъ слободу поставить*. Вслѣдствіе сильной, несдержимой, полной воли, развился въ народѣ могучій колонизаціонный духъ, широкій разгулъ, просторъ воли. Новгородскій *ушкуйникъ* и волжскій *бьунъ, бьлецъ* древней Россіи — вотъ типы этой воли и свободного колонизаціоннаго духа. Вслѣдствіе исконной, естественной свободы жизни, земскіе люди привыкли къ свободному выбору поселенія — на посадѣ или въ селѣ, или въ лѣсномъ починкѣ; привыкли къ свободному выбору труда — торгова, промысла, ремесла или земледѣлія: не знали какихъ-нибудь ратушинныхъ

стѣснительныхъ ограниченій и условій, кому торговать и промышленяты при какихъ условіяхъ; не знали паспортовъ—прикрѣпленности къ мѣсту или къ сословію, цеховой корпоративной замкнутости и крѣпостности, и т. п. И вотъ, когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вмѣстѣ съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ къ посадской—земскіе люди постоянно *избывали отъ тягла*, стремились *жить на льготѣ, на волю, не хотя быть въ тяглы, чинились сильны и государеву указу непослушны*, бѣжали на волю, самохотно селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы. Въ XVII вѣкѣ образовался такимъ-образомъ огромный классъ народонаселенія такъ-называемыхъ *вольныхъ гулящихъ людей* и *избылыхъ отъ тягла*. Эти *вольные гулящие люди* саможизненно, фактически выразили реакцію, протестацію противъ правительственнаго *лишенія* народа *свободной жизни*. Точно также, вслѣдствіе естественнаго стремленія земства, вольныхъ, охочихъ людей къ свободному

колонизаціонному и экономическому самоустройству, въ XVII-мъ столѣтіи, во всѣхъ областяхъ, около всѣхъ городовъ, заселились большія богатая торгово-промышленныя *слободы*. Развиваясь на льготѣ, на свободѣ, эти слободы легко богатѣли, процвѣтали торговлей и промышленностью, тогда-какъ рядомъ съ ними, тяглыя, не-свободныя общины, постоянно *бѣднѣли, оскудали и разорялись*. «Нынѣ (читаемъ въ актахъ про свободныя слободы) на Москвѣ и около Москвы и по городамъ, на посадахъ и около посадовъ, заведены слободы.... а въ тѣхъ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими промыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городахъ торгуютъ и промышленяютъ, и многими лавками и анбарами и соляными варницами посадскими владѣютъ... а живутъ они всегда во льготѣ». Это свободное, колонизаціонное, самоустройство слободъ выразило жизненно-народную реакцію противъ указно-правительственной колонизаціи, противъ лишенія свободной жизни въ казенныхъ, тяглыхъ общинахъ; выразило есте-

ественное стремленіе народа къ свободному общинному самоустройству. А это живое экономическое процвѣтаніе свободныхъ торгово-промышленныхъ слободъ, въ противоположность *объдильнiю, обнищанiю* несвободныхъ тяглыхъ общинъ, выразило естественный результатъ, законъ свободного экономического развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло живой, фактической протестъ противъ всякаго стѣсненія народной торгово-промышленной жизни. Отсюда видно, что сама жизнь народа естественно просилась къ свободному территориальному самораспределенію и экономическому саморазвитію. А какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всенародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались *государевыми*, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ. Вольные *слободскіе люди*, привыкшіе жить въ своихъ слободахъ на

льготѣ, на свободѣ, несмотря на всѣ запрети-
тельные указы съ 1648 по 1710 годѣ, упорно
продолжали жить въ слободахъ, не платя тяг-
ла. А когда Петръ сталъ ихъ сильно преслѣдо-
вать и принуждать вести тягло и службы вмѣ-
стѣ съ тяглыми посадскими людьми, многіе изъ
нихъ бѣжали въ лѣса, къ раскольникамъ, въ
Малороссію, въ Сибирь, и тамъ заселяли и осно-
вывали новыя *раскольничьи слободы*. Къ нимъ
туда съ охотой бѣжали и изъ тяглыхъ посадовъ
купцы и посадскіе, жаждавшіе свободной жизни.
Точно также поступали и вольные гулящіе лю-
ди. Петръ-Первый указомъ 1 іюня 1722 года,
рѣшительно уничтожалъ классъ свободныхъ, воль-
ныхъ гулящихъ людей: они должны были идти
въ солдаты, а если въ военную службу не го-
дятся, то искать другихъ службъ, или поступать
въ полные холопы къ частнымъ лицамъ; они уже
не могли оставаться безъ службы, или, въ про-
тивномъ случаѣ, ссылались, какъ праздноша-
тающіеся, на галерную работу. Несмотря на этотъ
указъ, вольные гулящіе люди оставались и по-
слѣ Петра. А при немъ, отъ военной службы, отъ

холопства и отъ галерной работы, они бѣжали въ расколъ. Пока не было еще согласія *блужновъ*, они приставали ко всякой странствующей пропагандѣ раскола, и въ расколъ, по старинѣ, оставались вольными гулящими людьми, привольно бродили отъ Польши до тобольскихъ раскольничьихъ слободъ, отъ поморскихъ скитовъ до керженскихъ лѣсовъ.

При Петрѣ всѣ лишались свободной жизни. Ревизія 1719 года каждую душу отыскивала, записывала въ «переписную книгу», дѣлала крѣпостною государству. Паспортъ прикрѣплялъ къ мѣсту или сословію. Фискалы на каждомъ шагу слѣдили за гражданами, тайно подслушивали подъ окнами ихъ домовъ, привязывались къ зажиточнымъ крестьянамъ и посадскимъ, къ богатымъ купцамъ. Каждый, дворянинъ ли, крестьянинъ ли, купецъ ли, долженъ былъ то-и-дѣло ждать «жестокой приказной присылки» изъ Губернской Канцеляріи, изъ Губернскаго Приказа. Вдругъ наѣзжали солдаты, сковывали и «за пустую справку приказную» отрывали отъ семьи, отъ работы, волокли со всякою отповѣдью въ

городъ, за 500, за 600 верстъ, недѣль на 10. Молодой крестьянскій парень только-что женился; а тутъ вдругъ наѣзжали офицеры съ командой, сковывали его, въ цѣпяхъ, въ страшную распутицу, вели въ городъ забрить въ рекруты и сажали въ тюрьму или въ острогъ. А крестьяне, въ силу крѣпостнаго состоянія, лишались даже и права жениться безъ дозволенія помѣщика. Плачется, на примѣръ, и «бьетъ челомъ» государю своему Ивану Прокофьевичу крестьянишко его Панька Кузминъ: волею Божіею женишка у меня умерла, а послѣ ее остались трое робятъ; и я, сирота твой, другой годъ не женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошають рубля по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьяниномъ по старому, есть въ твоёмъ государевомъ помѣстьѣ, въ деревнѣ Полутицѣ, дѣвка у Мишки Абрамьева; и ты пожалуй меня, сироту твоего, Иванъ Прокофьевичъ, *ослбоди* меня на той дѣвкѣ жениться. А Мишка Абрамьевъ жеребей земли своей совсѣмъ покинулъ, могуты его пахать не стало, а онъ, Мишка, и съ дѣвкою хочетъ брести изъ твоего го-

сударева помѣстья прочь». Точно также и посадскимъ людямъ запрещено было жениться на волостныхъ дѣвкахъ и выдавать замужъ дочерей своихъ безъ увольнительныхъ видовъ. Такіе безправные, даже и въ семейномъ отношеніи, посадскіе и крестьяне охотно бѣжали въ скиты раскола, гдѣ и браковъ вовсе не было, а была «любовь Христова», женщины были эманципированы расколомъ, или бракъ основывался только на взаимномъ согласіи, на любви, да много-что иногда на благословеніи родителей. Крестьяне, признавая несвободный бракъ, или союзъ мужчины съ женщиной, не истиннымъ, сами отправляли дочерей своихъ въ раскольничьи скиты, какъ напр. говорилъ одинъ поморскій крестьянинъ: «нынѣ-де истиннаго брака нѣтъ; а нынѣ-де онъ большую дочь сvezъ въ Выгорѣцкое общежительство, да и младшую дочь хочетъ туда же отдать». Равнымъ образомъ туда же, въ мірскія согласья раскола, бѣжали и крестьяне, которыхъ тогда, — по словамъ указа Петра, 15 апрѣля 1721 года, — *продавали какъ скотовъ, врознь!* Бѣжалъ въ расколъ всякій, кто тяготил-

ся угнетенностью, порабощенностью личности, желалъ свободнаго исхода, свободной жизни. Расколъ всѣхъ принималъ. Онъ возвышалъ въ своихъ ученіяхъ нравственное, человѣческое достоинство простыхъ людей; возводилъ ихъ въ почетныя выборныя должности, въ бородѣ видѣлъ образъ и подобіе Божіе, знакъ естественнаго равенства всѣхъ людей. Расколъ, хотя и самъ подвергался при Петрѣ жесточайшимъ гоненіямъ, но былъ оппозиціей за свободу жизни и равенство правъ. Это направленіе его особенно обозначится со второй половины XVIII столѣтія.

Далѣе, Докукинъ въ листѣ своемъ вопіялъ: «Гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, домовъ и торговь, земледѣльства, такожде и руководѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ лишились... Рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы отняты». Дѣйствительно, если только вспомнить, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и въ царствованіе Петра, крестьянъ и посадскихъ постоянно *свозили, вывозили, перевозили* съ мѣ-

ста на мѣсто, съ посада на посадъ, изъ деревни въ деревню, или изъ селъ на посадки, съ посадовъ въ села, иногда за нѣсколько сотъ, даже тысячь верстъ, то можно себѣ представить, какъ крестьяне и посадскіе, въ-самомъ-дѣлѣ въ этой постоянной вознѣ и передвижкѣ лишались торговъ и промысловъ, земледѣлія и рукодѣлій. Посадскіе и крестьяне, по естественному стремленію къ благосостоянію, по старинному праву свободнаго перехода, искали себѣ мѣсть, гдѣ было жить льготнѣе, свободнѣе, промышлять или торговать выгоднѣе. И только-что укоренялись они въ такихъ мѣстахъ, обзаводились торгоми или промыслами, начинали на льготы разживаться, какъ наѣзжали сыщики, воеводы съ солдатами и вывозили ихъ на прежнія, покинутыя ими, мѣста; или «бивъ кнутомъ нещадно по торгомамъ, ихъ ссылали въ Сибирь на Лену», съ корнемъ разоряли. Между-тѣмъ, крестьяне и посадскіе, естественно, желая жить, торговать, промышлять свободно, не имѣя *могуты* или *нехотя платитъ государевыхъ доходовъ*, и *презрѣвъ всѣ прежніе великихъ государей указы*,

опять неудержимо бѣжали. Въ 1682 г. всѣ помѣщики и вотчинники въ общей челобитной своей жаловались царямъ Іоанну и Петру, что «*ихъ крестьяне, — подымаючи ихъ на дальнія службы и платя великаго государя всякія подати, — отъ нихъ многіе разбѣжались*». Опять жестокіе сыски, перевозки крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Тѣ же сыски, отвозы да перевозки крестьянъ, по указамъ 1683, 1698, 1706 и 1707 годовъ — и постоянно крестьяне лишались торговъ и промысловъ. Лишая крестьянъ свободно-выбранныхъ ими мѣстъ жительства, пахотныхъ земель, рыбныхъ и другихъ промысловъ, не давали имъ и въ городахъ свободно жить и торговать. Указомъ 1700 года 11-го марта, предписано было: крестьянъ, жившихъ въ городахъ и платившихъ тягло, *взять* въ посады; а которые изъ нихъ въ посады не хотѣли, тѣмъ запрещалось вовсе и жить въ городахъ и торговать: запечатывали и конфисковали ихъ лавки, кожевенные и другіе заводы, и продавали. Князь Щербатовъ, хотя рѣзко, но справедливо выразился о такихъ поступкахъ съ крестьянскими промыслами, что «ху-

до поступили съ крестьянами, когда вдругъ лишили ихъ промысловъ городскихъ». Далѣе, ука-зомъ 29 октября 1707 года, крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные и кабацкіе сборы потому только, что они вѣдались не въ ратушѣ и изъ нихъ, въ это время, набирались въ драгуны, солдаты и рекруты. Между-тѣмъ, многіе промыслы, прежде принадлежавшіе крестьянамъ, теперь отдавались на откупъ заводамъ и другимъ монополистамъ, на примѣръ: рыбныя ловли въ Архангельской губерніи. Крестьяне уходили артелями на заработки, на прим. въ низовые города и въ другіе, кормиться красивымъ промысломъ или другимъ какимъ-либо, — торговать, и ихъ по причинѣ правей съ міра тягла, отрывали отъ заработковъ и промысловъ, тащили на тѣ мѣста, гдѣ они были приписаны. Въ плакатѣ 1724 года іюня 26, предписано было отпускать крестьянъ на работу съ паспортами, не далѣе какъ на 30 верстъ отъ ихъ мѣстожителства. Между-тѣмъ сколько народу сгоняли на казенныя работы и промыслы за тысячи верстъ!! Для постройки Петербурга

пригоняли ежегодно, втеченіи многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей, до 40,000 работниковъ! Для постройки крѣпости на островѣ Котлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ 16-го января 1712 года требовалось 3,000 работниковъ; въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на Котлинъ — «къ городовымъ дѣламъ» — 34,000 человекъ! Тысячи народа сгонялись въ Азовъ; для прорытія Ладожскаго канала на 104 версты, на казенные заводы. Устроивъ болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, Петръ приписалъ къ нимъ тысячи крестьянъ! Смотрители заводскіе наживались, въ ущербъ самой коронной казнѣ, а крестьяне изнурялись отъ заводской работы, безъ домашняго хозяйства. Всѣ эти работы, очевидно, отрывали народъ отъ торговъ, ремеслъ, заводскихъ и другихъ промысловъ. Докукинъ жалуется, что *древодпелей и каменосъщцовъ отняли*. И точно, съ 1712 года по 1718 постоянно переводили, сгоняли въ Ингерманландію каменщиковъ, кирпичниковъ, мастеровыхъ людей и ямщиковъ, и такимъ-образомъ лишали крестьянскія волости

нужныхъ людей; плотники изъ дворцовыхъ волостей были наряжаемы въ 1716—18 годахъ для заведенія русскихъ слободъ около мызы Сари. Въ 1702 году даже изъ Кунгура,—по указу правительства,—высымали плотниковъ для строенія города Затона, а кузнецовъ на Тагань-Рогъ! Такія казенныя отлучки и работы естественно отрывали крестьянъ отъ заработковъ, промысловъ и ремеслъ, да и крестьянскія волости лишали хорошихъ каменщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей. Затѣмъ Докукинъ жаловался, что земскіе люди «на правѣжѣхъ стоя отъ великихъ и не-носныхъ податей и оброковъ, съ голоду поми-рали и до основанія разорялись; что на правѣжѣхъ ихъ били нещадно!» Все это вопіющая истина, которую изображалъ Посошковъ, въ которой признавался самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ. Въ именномъ указѣ сенату въ 1717 году онъ самъ писалъ: «Господа Сенать! Я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ неносные правѣжи чинятся». Правѣжи тиранили народъ, подати и безчисленные и разно-

образные поборы не только поземельные и подушные, но и хомутейные, прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, банные, кожные, покосовшинные, съ подводчиковъ десятыя и тому подобные вымышленные сборы просто разоряли народъ, или причиняли *людямъ трубацію великую*, — какъ выразился Посошковъ. Оттого расколъ и возсталъ противъ *даней многихъ*.

Какъ крестьянъ, такъ и торговыхъ людей отрывали отъ торговли. Напримѣръ, изъ городовъ Европейской Россіи, посылали купцовъ на службу, въ головы и цѣловальники, въ отдаленные сибирскіе города. Кромѣ-того, многіе гости всѣхъ сотень, купецкіе, посадскіе и промышленные люди всѣхъ черныхъ сотень, *отъ волокитъ и притѣсненій приказныхъ людей вовсе отбыли своихъ торговъ и промысловъ*, — какъ писалъ самъ Петръ въ указѣ 30 января 1699 года. Далѣе, Берг-Коллегія, и Мануфактуръ-Коллегія, централизуя въ казенное вѣдомство мѣстнообластные естественные матеріалы и условія народной промышленности, и раздавая привилегіи бѣльшую частью однимъ иностран-

цамъ, лишали тысячи народа вольныхъ ремесль, заводскихъ и рукодѣльныхъ промысловъ! Между-тѣмъ и для видовъ самого правительства, Мануфактуръ-Коллегія — по словамъ Щербатова — «разными злоупотребленіями не только полезна, но и вредна учинилась». Затѣмъ, были цѣлыя разряды людей, напримѣръ, служилые, которымъ рѣшительно воспрещались какіе бы то ни было торговые промыслы. Наконецъ, за одно брадобритіе, за старую вѣру, лишали права на подряды, отрывали отъ домовъ, отъ торговъ и промысловъ, везли въ застѣнки Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи, ссылали въ Рогервикъ, въ Сибирь. Отрывая отъ собственныхъ промысловъ, гнали ихъ на работу въ казенные заводы. Отъ этого гоненія, старообрядцы оставляли свои дома и промыслы и разсѣвались по лѣсамъ. Такъ было, напр., послѣ 1702 года, когда выговцевъ заставили работать на желѣзныхъ заводахъ повѣнецкихъ. «И отъ того времени — говорить лѣтописецъ ихъ — Выговская пустынь быти нача подъ игомъ работы у повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на петровскомъ за-

водѣ. И начаша людіе съ разныхъ городовъ, — старовѣрства ради, — отъ гоненія собиратися и поселятися по блатамъ, по лѣсамъ, между горами и вертепами и между езерами, въ непроходимыхъ мѣстахъ скитами и собственно келіями, гдѣ возможно». Во внутреннихъ великорусскихъ областяхъ, старовѣры скитались изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ села въ село, чтобъ только укрыться отъ гоненія. «Многіе раскольники — читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года — не хотя себя объявить, кроются, переходя живутъ по городамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ земли, дворы и прочія жилища, дабы познаваемы не были». Безпрестанные доносы и строгіе розыски также заставляли старообрядцевъ скитаться изъ мѣста въ мѣсто. Напримѣръ, когда въ Поморьи пощъ Космозерскаго села донесъ отпиской въ Олонецъ, что «изъ Выговской пустыни соловецкіе старцы для ученія народа ходятъ по волостямъ и изъ оныхъ старцевъ одного, именовъ Питирима, поймали и послали за

карауломъ въ Олонецъ», это происшествіе возбудило дѣятельные и строгіе розыски. «И бысть въ то время всѣмъ старовѣрамъ страхъ велій и въ Суземскѣ бысть страхъ всѣмъ боящимся гонителей, и всякому жителю пустынному бѣжащу отъ своихъ келій» — говоритъ — «Исторія Выговской пустыни». Даниль Викулинъ, за которымъ послана «погоня и сыскъ», принужденъ былъ скитаться по пустыннымъ мѣстамъ, по островамъ въ Онежской Комсогубѣ, скрываясь въ шалашахъ у рыбаковъ. На Саро-озерѣ, раскольникъ Харитонъ сжегъ келію «того ради, дабы слухъ прошелъ, яко бы людие гониміи сгорѣша». Толпа испуганныхъ раскольниковъ скиталась всю весну въ чащахъ лѣсныхъ. Точно такъ было въ стародубскихъ лѣсахъ, когда стародубскому полковнику приказано было тамошнихъ раскольниковъ обращать въ православіе. «Таковому указу разгласившуся — повѣствуетъ историкъ бѣглопоповщинскій — ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разліяшася; гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя оте-

чества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствование паче утѣшенія своихъ мѣсть». На Дону то же было при Петрѣ. Казачій атаманъ Некрасовъ, съ товарищами своими: Гавриломъ Чернецомъ, Ивановомъ Дранымъ, Козьмою и Савельемъ Воринковыми, набралъ на Дону кружокъ людей, и, разграбя селенія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ ними на Кубань, отдавшись въ подданство крымское, въ 1708 году. Къ нему туда толпами побѣжали гонимые въ Россіи раскольники, оставляя дома и промыслы, побѣжали казаки съ Дону, изъ Голубинской, Чирской и другихъ станицъ. Тамъ всѣ эти бѣглые раскольники поселились цѣлыми слободами между станицъ казачьихъ.

Вслѣдствіе такихъ гоненій, по причинѣ разоренія многихъ купеческихъ, посадскихъ и крестьянскихъ домовъ, торговъ, сельскаго хозяйства, ремесль и заводскихъ промысловъ, естественно, многочисленныя массы должны были искать новыя, свободныя отъ гоненій и запрещеній, мѣста поселенія, вновь заводить торги и промы-

слы. И вотъ, раскольничьи скиты и слободы, несмотря на всѣ гоненія, уже при Петрѣ мало-по-малу обстроивались въ лѣсахъ новыми *починками*, расчищали изъ-подъ лѣсовъ пашни и огороды, обзаводились торгами и промыслами. Съ *починковъ* начиналась раскольничья колонизація въ лѣсахъ, какъ и въ древней Россіи было, при первоначальной колонизаціонной расчисткѣ и обстройкѣ Великорусской Земли. Такъ въ керженскихъ лѣсахъ *починками* назывались первоначальныя раскольничьи поселенія, состоявшія изъ одного двора или изъ одной кельи. Какъ въ древней Россіи, — по словамъ одного памятника XIV вѣка, — земледѣлецъ *паче дому любилъ пустыню*, сначала одинъ забирался въ темный, дремучій лѣсъ, и *посажалъ починокъ на льсу*, потомъ къ нему приходили другіе вольные, охочіе, люди и ставили новые починки, такъ и при Петрѣ, одинокій старецъ углублялся въ лѣса, ставилъ *хижусу* или келью, «пахалъ пашню кочеругою и сѣялъ подъ гарью». Потомъ къ нему приселялись другіе, третьи и т. д. Лѣсная скитская колонизація и культура расколь-

ничья совершалась точно также, какъ въ древней Россіи шла колонизація и культура, подъ вліяніемъ монастырей и пустынь. Вотъ напримѣръ, пришелъ въ Сѣверное Поморье, около 1691 года, старецъ Корнилій, сынъ земледѣльца изъ Тотмы. Долго скитался онъ изъ пустыни въ пустыню, наконецъ поселился на рѣкѣ Выгѣ, въ особомъ скитѣ, на верховскихъ лѣсахъ. Около него приселился скитникъ, старецъ Сергій, съ молодою дѣвушкою, сестрою своею, и помогалъ въ работахъ старцу Корнилию. Слухи объ отшельникѣ старцѣ—Корниліѣ распространились въ Поморьѣ.

И начали люди — говорить «Исторія Выговской пустыни» — къ отцу Корнилию приходятъ отъ градовъ и волостей отъ гоненія; онъ же ихъ учаше древле-церковное благочестіе хранить, а отъ Никоновыхъ новинъ бѣгати и удалятися». И вотъ стали къ нему собираться выходцы изъ онежскихъ погостовъ, изъ нижегородскихъ лѣсовъ, изъ Москвы и изъ другихъ мѣстностей Россіи, гонимые преслѣдованіемъ старой вѣры, поселились по р. Выгѣ, на рѣкѣ Ков-

жѣ, у Таго-озера, около погоста Маселги, у Воло-озера, у Тамбичь-озера, у Кодо-озера, у Вик-мозера. Пришелъ въ пустыню Выговскую и знаменитый въ исторіи раскола Андрей Денисовъ, изъ Повѣнца, и поселился съ товарищемъ своимъ Иваномъ Бѣлоутовымъ, между озерами Таго и Бѣлое. «Въ чащехъ лѣса скитающеса—такъ рассказываетъ «Исторія Выговской пустыни» о первоначальномъ поселеніи Андрея Денисова—богородное оное и самоизлюбленное начинаютъ житіе: ни стѣны, ни покрова отъ зимня студени имуще, огненнѣй точію пресѣдяще нудіи и отъ принесенныхъ со собою потребъ мало вкушающе. Зимнему же пришедшу времени и весненнымъ солнцемъ озаряемымъ днемъ начинающимъ, келію себѣ малу соградиша, между двѣма озерами, ею же едино Тагозеро именуется, другое же Бѣлое нарекается. На такомъ пустомъ вселившеса мѣстѣ, гору точію сожительницу и ручей себѣ сосѣда избраша». Потомъ, соединившись въ одинъ скитъ съ Даниломъ Викулинымъ, Андрей Денисовъ съѣздилъ домой, увезъ отъ отца своего «вещь честну же и тяжко-цѣнну,

сестру свою любезнѣйшую дѣвицу Соломонію». Начались въ кружкѣ собравшейся братіи новые труды: постройка жилищъ, расчистка лѣса подъ пашню. Услышаль объ этомъ неподалеку жившій скитникъ Захарій Степановъ и явился къ нимъ на лыжахъ приглашать къ себѣ. Этотъ скитникъ удалился съ отцомъ своимъ, матерью и сестрами въ пустыню «отъ гонительнаго мученія и мірскаго смущенія» еще въ 1691 году. Онъ былъ житель прежде Толвуйской волости. Мѣсто на р. Выгѣ, гдѣ поселился Захарій, было покрыто густо лѣсомъ: сосною и ельникомъ по обѣимъ берегамъ рѣки. Весною они обрубали сучья у деревьевъ по берегу на значительное разстояніе и зажгли; время было сухое, лѣсъ разгорѣлся, деревья повалились, и новые жители на огневищѣ начали хлѣбъ сѣять, мѣшая рожь съ ячменемъ. Захарій перезвалъ къ себѣ все общество Данилы Викулова. «И собравшася всѣ на мѣсто — говоритъ Выговская Лѣтопись, — и помолившеся Богу и пѣша молебень на мѣстѣ и начаша бревенъ сѣщи вальнягу, около того мѣста». Началась въ широкихъ размѣрахъ об-

стройка Выговскаго общежительства. Данила Викуловъ былъ «собратель братству». «И поживши зиму и лѣто — продолжаетъ та же лѣтопись — труждахуся и на осень начаша бревны сѣщи... И начаша къ нимъ люди приходити изъ разныхъ мѣстъ и градовъ и оныя же отцы Данилъ и Андрей принимающе ихъ съ любовію и учаше... Но въ то время еще весьма скудно живуще, нужнымъ и скуднымъ пустыннымъ житіемъ... и съ волостей къ нимъ въ пустыню тогда еще не было дорогъ, — на лыжахъ съ кережами хождаху. И потомъ придоша два мужа съ Москвы вѣдущая писанія: одинъ именемъ Прокопій Макарьевъ, другій Василій, иже послѣди въ иноческомъ чину Варлаамъ нареченъ и изъ другихъ мѣстъ иныя многія... начаша къ нимъ людіе приходите и умножатися, и пашни пахати по крѣжамъ и по лѣсамъ, суки сѣщи и палы прятати и хлѣбы не одни по крѣжамъ имающе и кормящися съ великою скудостью и нуждою пашнею своею, и начаша скоть держати и дворы скотскіе поставили: конской дворъ на братской сторонѣ, а коровей на другой сто-

ронѣ у сестеръ... И бысть въ то время гладь и хлѣбный недородъ и частыя зябели и годы зеленые не соспѣвали, и бысть у нихъ велія хлѣбная скудость и гладь. И поставиша на Выгу мельницу, отъ монастыря за шесть поприщъ вверхъ рѣки, мелею и толчею, и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку, и начаша хлѣбы соломянные ясти, течію растворъ ржаной, а замѣсь весь соломянной муки; хлѣбы въ кучи не держалися, помеломъ изъ печи пахали властяжные бураки и коробки, и начаша такой хлѣбъ ясти, и такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, многожды и безъ ужина жили. И бысть велія скудость и нужда. Того ради и обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ міру принесено было, деньги и серебряныя монисты и платья, и послаша Андрея Денисіева и съ нимъ своихъ людей, для промыслу хлѣбнаго въ Нижній, по Волгѣ, понеже въ то время тамо вельми хлѣбъ дешевъ былъ, — четверть въ двѣ гривны, тамо промышляюще хлѣбъ чрезъ добрыхъ людей въ милостыню просили и водою

привезоша въ Бадуги, изъ Бадугъ перевезоша на Вытегру, а съ Вытегры въ Пигматку лѣтомъ на суднѣ, а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ монастырь и посящіе рожь пареную ядыху. И бысть въ то время въ монастырѣ велія скудость и нужда хлѣбная и всякихъ потребъ, а братство убо умножашеся уже числомъ до полуторыхъ сотъ чело-вѣкъ и больше было мужеска пола и женска и малыхъ ребятъ, съ отцами и съ матерями изъ міру приведенныхъ... Такъ сначала Выговская община была бѣдна и неустроена, а потомъ все болѣе-и-болѣе устроялась. Она называлась *монастыремъ* по старинному обычаю, когда *монастырями* назывались и погосты новгородскіе, какъ извѣстно изъ Писцовыхъ Книгъ». Въ существѣ же, Выговская община имѣла характеръ чисто — мірскаго согласія, похожа была на раскольничьи *слободы* — стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея, — по словамъ Выговской Исторіи — *житейскимъ житіемъ* жили. И дѣйствительно, уже въ началѣ XVIII-го столѣтія весь матеріальный бытъ общины имѣлъ

мірское житейско-хозяйственное устройство. Въ Выговской обители были особыя кельи или строенія для «работныхъ людей», особое мѣсто, гдѣ «лучину щепати и дровни дѣлати», особая «келья чеботная швальня», особыя больницы—«немоцнымъ людямъ и старымъ», особая «портнымъ швалямъ швальня», особое помѣщеніе для мастеровыхъ людей мѣдниковъ. Было скотоводство, и конскіе и скотные дворы. Были кирпичные заводы. Женскій скитъ, устроенный въ 26-ти верстахъ отъ выгорѣцкаго, на рѣкѣ Лексѣ, хотя былъ «съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ въ общемъ питомствѣ», но имѣлъ и свое хозяйство, свои пашенныя и луговыя поля, своихъ работниковъ челоуѣкъ съ 30. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше устроилась Выговская община въ экономическомъ быту. Въ голодные годы, въ случаѣ хлѣбнаго недорода, Выговцы, какъ древніе Новгородцы и Поморцы, съ общаго совѣта, посылали надежныхъ людей на Низъ и въ другія мѣстности промышлять хлѣбъ и деньги. Андрей Денисовъ съ братомъ поѣхали въ Нижний и въ Москву, другіе поѣхали въ Новгородъ,

въ Псковъ, въ низовые города, въ Архангельскъ, другіе поѣхали на Мурманскій берегъ на рыбный промыселъ, и закортомили выгорѣцкія рыбныя ловли и въ другихъ озерахъ... Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Чаженкѣ, взяли въ оброкъ пашенную землю, мѣрою шестнадцать верстъ во всѣ стороны. Промышленость развилась, и Выговцы стали богатѣть. У нихъ не только не было недостатка въ хлѣбѣ, но они стали продавать его. Андрей Денисовъ неумоимо путешествовалъ по дѣламъ торговымъ, пріобрѣлъ кредитъ, занималъ «на торгъ» деньги, закупалъ хлѣбъ и отсылалъ для продажи въ Петербургъ. На петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ, Выговцы имѣли свои постоянные дворы и амбары и «своихъ людей держаша для торгу и пріѣзду всѣхъ».

Такъ уже въ первое десятилѣтіе XVIII-го вѣка, несмотря на всѣ гоненія и невзгоды пустыня стала богатѣть. Такъ точно и другія раскольничьи общины, скиты и слободы, мало-помалу получали экономическое благоустройство. Но цвѣтущее саморазвитіе ихъ начинается соб-

ственно съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда капиталы и торговопромышленное процвѣтаніе раскольничьихъ общинъ приобрѣтаютъ даже перевѣсъ надъ экономическимъ благостояніемъ многихъ православныхъ общинъ. Объ этомъ въ свое время будетъ рѣчь. А теперь обратимся къ тому, на что еще роптали люди старой вѣры при Петрѣ.

Лишаясь многихъ торговъ и промысловъ въ городахъ и селахъ, народъ лишался при Петрѣ и многихъ естественныхъ матеріаловъ для промышленности. Казенное строительство имперіи развивало казенную монополію въ пользованіи естественными произведеніями. Такъ Докукинъ вопіетъ къ народу, что *древеса самая нужная въ дѣлахъ народныхъ повсюду заповѣданы были*. Это вопль земскихъ людей противъ казенныхъ законовъ Петра. Петръ-Первый, какъ известно, называя государство «своимъ, великаго государя, государствомъ», смотрѣлъ на лѣсъ, какъ на матеріаль для «своихъ государевыхъ дѣлъ» и преимущественно для кораблестроенія. Отсюда появились *заповѣдныя* государевы лѣ-

са, и все вниманіе Петра обращено было на сбереженіе этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Отсюда появилась строгая запретительная система, на которой основанъ цѣлый рядъ указовъ о лѣсахъ. Въ 1703 году Петръ велѣлъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса, отъ большихъ рѣкъ въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, впадающихъ въ большія рѣки, на 20 верстъ. И вышло, такимъ-образомъ, какъ—найдено было по смерти Петра Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ,— что если пространство заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣлить въ натурѣ, то, по близкому разстоянію рѣкъ между собою, едва ли находилось мѣсто, гдѣ бы не было заповѣдныхъ лѣсовъ. Дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карачагъ, лиственницу, сосну въ 12 вершковъ и больше запрещено рубить всѣмъ безъ исключенія и завсякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ штрафъ въ 10 рублей. За дубъ же, даже за одно дерево, и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревьевъ, назначена смертная казнь. Лишаясь, такимъ-образомъ, самыхъ нужныхъ въ хозяйствѣ деревьевъ, народъ естественно былъ недоволенъ

указомъ Петра, потому-что онъ не былъ ни- сколько сообразенъ съ хозяйственными потребностями и обычаями народа; во многихъ случаяхъ народъ не могъ обходиться безъ дуба и другихъ заповѣдныхъ деревьевъ; крестьянину нужны на телѣги, сани, оси, полозья, обручи къ большимъ чанамъ, — дубъ, кленъ, вязъ, карачагъ, лиственица. И вотъ народъ рубилъ эти лѣса, несмотря на то, что они были заповѣдные. Зато — смертныя казни, кнуты, вырванія ноздрей, и проч. Упорное нарушеніе закона ясно показывало, что законъ шелъ въ разрѣзъ съ жизненными хозяйственными потребностями народа. Но законъ о лѣсахъ шелъ-таки дальше. Наконецъ, издана была Петромъ подробная вальдмейстерская инструкція, въ которой сведены всѣ прежніе указы о заповѣдныхъ лѣсахъ, опредѣлены и заклеимены заповѣдныя породы деревьевъ, опять самыя нужныя для хозяйства народнаго, распределены для храненія заповѣдныхъ лѣсовъ вальдмейстеры по рѣчнымъ системамъ; заповѣдные лѣса раздѣлены на звенья, къ нимъ приставлены драгуны и солдаты, а

если ихъ не было, пригонялись крестьяне для стороженья заповѣдныхъ лѣсовъ, и проч. Результатомъ всего этого были стѣсненіе и недовольство народа. Многіе заповѣдные лѣса стояли безъ всякаго употребленія корабельнымъ адмиралтействомъ, а народу строго запрещено было ими пользоваться. Вальдмейстеры и ихъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафныхъ денегъ, бравшихся за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ, притѣсняли народъ и назначали часто большіе штрафы за такія порубки, за которыя по инструкціи вовсе не слѣдовало взыскивать. Самое запрещеніе рубить лѣса безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ, вело къ притѣсненіямъ народа, потому-что крестьяне, въ случаѣ нужды въ лѣсѣ, должны были бросать свои работы и ѣхать къ вальдмейстерамъ; а вальдмейстеры своими проволочками вводили крестьянъ только въ убытки. Вотъ почему и люди старой вѣры, люди народа, горько жаловались на то, что деревья самыя нужныя въ хозяйственныхъ постройкахъ и дѣлахъ повсюду были заповѣданы. Стаѣ овѣрамъ просторъ дремучихъ, темныхъ лѣсовъ и свобод-

ный входъ въ нихъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ, что ихъ въ то время гнали, имъ нужно было снова, какъ было встарину, идти въ лѣса съ топоромъ, косой и сохой, снова сажать, «поставлять починки на лѣсѣхъ».

Лишаясь свободной матеріальной жизни, земство съ XVII вѣка, и окончательно при Петрѣ, лишалось свободнаго земскаго самоуправленія — городского и сельскаго. На это указывалъ Докукинъ народу, когда писалъ, что *издревле установленныхъ градскихъ законовъ лишились, свободныя власти и чести отпадоша*. Это вошь о тѣхъ старыхъ временахъ, когда областныя общины, дѣлясь, на колонизаціонномъ основаніи, по городамъ жили и развивались, вмѣстѣ съ волостями, *на всей своей воли, на примѣръ, нравы свои отеческіе и законы и обычаи новгородскіе сохраняли*, когда, — по словамъ лѣтописи, — *Новгородцы изначала, и Смольняне, и Кіевляне, и Полочане и вся власти, яко же на думу, на вѣча сходились*, когда *въчевыя записи и грамоты, мирскія уложенья и заповѣди были народными законами*. Далѣе, вошь Докукина, вошь народный

о свободныхъ властяхъ—это грустное воспоминаніе о свободныхъ выборныхъ земскихъ властяхъ, о выборныхъ посадникахъ, объ излюбленныхъ головахъ и старостахъ, о выборныхъ земскихъ судьяхъ. Наконецъ, вопль объ *издревле установленныхъ градскихъ законахъ* есть, въ частности, вопль о *тѣхъ уставныхъ грамотахъ*, какія въ XVI-мъ вѣкѣ выпросили себѣ областныя общины, по которымъ онѣ свободно управлялись и *судились межъ себя* своими выборными головами, старостами и судьями, «кого сами межъ себя излюбили и выбирали», управлялись такъ, какъ *люба была справа всей ихъ земля*. Съ-тѣхъ-поръ, какъ не стало этихъ уставныхъ грамотъ въ городахъ, а повсюду управляли воеводы, съ-тѣхъ-поръ торговые и посадскіе люди съ сожалѣніемъ вспоминали про прежнюю свободу городского самоуправления. Говорили самому царю: «Прежде въ городахъ твоихъ государевыхъ воеводъ не бывало, а посадскіе люди судились сами межъ себя». Въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го, торговые и посадскіе люди еще больше должны были вспоми-

нать о древнихъ уставныхъ грамотахъ, потому-
что съ умноженіемъ Приказовъ, они терпѣли
много бѣдъ и убытковъ отъ разныхъ приказныхъ
властей и вѣдомствъ. Самъ Петръ писалъ въ
указъ 1699 года января 30-го, учреждая Бур-
мистрскую Палату: «Вѣдомы они, гости и купец-
кіе и промышленные люди, купецкими расправ-
ными всякими дѣлами, и его, великаго государя,
окладными доходами и иными сборами въ раз-
ныхъ Приказахъ, и извѣстно великому госуда-
рю учинилось, что имъ, гостямъ и гостинной сот-
ни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ и промы-
шленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ
волокидахъ и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ,
отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ про-
мыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разо-
реніе, а иные оттого промысловъ своихъ от-
были и оскудали». При такихъ страданіяхъ отъ
приказныхъ властей и учреждений, купецкіе и
посадскіе люди поневолѣ должны были сожалѣть
о старыхъ уставныхъ грамотахъ городскихъ,
о своихъ свободныхъ выборныхъ властяхъ. И
вотъ почему расколъ, устроая новыя мірскія,

общинныя согласья, слободы и скиты, по стариннымъ народнымъ обычаямъ, по образцу сельскихъ мірскихъ согласій и сходовъ, организовалъ у себя свободное, выборное самоуправленіе и самосудъ. Въ согласіяхъ раскольниковъ были «по выбору старосты и выборные съ перемѣною ежегодно», выборные излюбленные наставники, выборные всѣ должностныя лица, были сходы, на которыхъ всѣмъ согласіемъ «судимаше межъ собою», устанавливали что-нибудь. Въ важныхъ случаяхъ, въ раскольничьихъ согласіяхъ были общіе *соборы* или *общіе совѣты*. Все это внутреннее устройство самоуправления уже слагалось при Петрѣ-Первомъ и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, несмотря на то, что въ это время раскольничьи общины подвергались часто разореніямъ. Для примѣра послушаемъ рассказъ выговскаго лѣтописца о выговскомъ раскольниковъ совѣтѣ, бывшемъ въ 1738 году по случаю самаринской комиссіи: «И составиша совѣтъ между собою... и собирашя со всего Суземска лучшіе люди во общежительство, начаша думати, что сотворити, овію

и ко страданію глаголаша готовитися... огню предаватися, а которые не хотятъ страдати, тѣмъ разбѣжати, а въ руки имъ (слѣдователямъ) не даватися, кои еще хотяху пожити, а овію лучшіе людие о семъ начаша отъ писанія разсуждати и препятствовать, что страдати не за что, и начаша въ писаніи разсматривати, и розыскивати, и читати всѣмъ вслухъ... и уговаривати, чтобъ не безсловесно страдати и упрямствовать, а въ чемъ можно отвѣтствовать и показати о своемъ житіи ясно, какъ кое мощно оправдатися, чтобъ не навести на себя и на прочихъ старовѣрцевъ безсловеснаго отъ ея императорскаго величества и напраснаго гнѣва прежде времени, и начаша думати и условишася всѣ лучшіе старцы Θεодосій, Варлаамъ и Іосифъ грамотные и писанія вѣдущіе Симеонъ Діонисіевъ, Трифонъ Петровъ и проч... и березовцы Иванъ Ивановъ, иконникъ Алексѣй, Θεодоръ Семеновъ и проч., и желтопорожскіе Ефремовы, Θεодоръ Леванидовъ, Θεодоръ Петербурхской, и проч., и боровскіе жители Иванъ Давыдовъ, Венедиктъ Петровъ, Василій Даниловъ и проч., и салато-

зерскіе... и Ладожскаго скита Наумъ и Севастьянъ и прочіе многіе выборные и десятскіе, и изъ простыхъ грамотные и неграмотные жители, и положиша, что и въ тропаряхъ и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ ея императорское величество поминать по нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцовъ се просто было, что о томъ нужды не было до сего времени, и о томъ не спрашивалось ни отъ кого, а въ нынѣшнее время нужда позвала, о семъ по клеветамъ спрашиваютъ и истязуютъ, что тѣми клеветами хотятъ всѣхъ старовѣрцевъ искоренити, того ради и писанія искати и почитати и творити, дабы церкви не вредити и на христіанъ на всѣхъ не навести напраснаго и безсловеснаго гнѣва и конечнаго всемъ разоренія и искорененія, и гонительства, и мучительства... И положиша у всѣхъ, что написати къ ея императорскому величеству челобитная, и отписати все свое житіе, какъ въ сей пустыни первые отцы завелися жити... дабы было за что и страдати. Тое всемъ пустыннымъ жителямъ было любо. На совѣтѣ этомъ все Выговцы общимъ приговоромъ запо-

вѣдаша постъ и молебны всѣмъ жителямъ, также какъ встарину бывало, *староста и всей волости крестьяне*, на мірскомъ сходѣ, *обговорися сами промезь собою, учиняли заповѣдь*, на примѣръ, три года въ воскресенье «не дѣлать никакого дѣла чернаго, ни угодыя въ воскресенье не угадовати, ни бѣлки не лѣсовати», и т. п.

○ Наконецъ, Докукинъ въ письмѣ своемъ къ народу жалуется на то, что *слова и званія нашего славянскаго языка измѣнили*, и упрекаетъ современное, петровское поколѣніе, въ *лестныхъ ученіяхъ*. Это прежде всего нападки на иностранныя, нѣмецкія названія чиновъ при Петрѣ, а потомъ и вообще на тогдашнюю порчу русскаго языка нѣмецкими и латинскими словами и оборотами. На русскій слухъ, въ-самомъ-дѣль, дико звучали всѣ эти бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи, ратгаузы, магистраты, регламенты, табели о рангахъ, губерніи съ провинціями и губернаторами, ланд-гевдинги, оберкоменданты, оберланд-рихтеры, камергеры, ландраты, ланд-секретари, бухгалтеры, вальдмейстеры, ланд-рентмейстеръ, ланд-и обер-фискалы, ланд-мейцы,

профоссы, ланд-шрейберы, кирхшпильфохты, и т. д. Кромѣ того, самый языкъ указовъ Петра — словно копія или переводъ съ нѣмецкаго — тяжелъ, темень, совершенно-отличень отъ языка не только живаго народнаго, но и отъ языка грамотъ и указовъ XVI и XVII столѣтій: то былъ языкъ точный, выразительный. Не даромъ при Петрѣ и авторъ «Трїязычнаго Лексикона», Поликарповъ, жаловался на примѣсь къ славяно-русскому языку множества иностранныхъ словъ.

А что касается до вопля Докукина противъ *лестныхъ ученій*, то это нападки на то ученіе, къ которому Петръ-Первый принуждалъ нѣкоторые классы народа. Это нападки не одного Докукина, а бдльшей части народа. Отъ ученья при Петрѣ и дворяне многіе бѣжали въ расколь. Весьма-важно, однакожь, узнать причины, почему народъ не сочувствовалъ самому главному благу, какое хотѣлъ ему дать Петръ — ученію, просвѣщенію. Народу, кромѣ свободныхъ правъ ничто такъ не нужно было, какъ ученье, просвѣщенье. По причинѣ отсутствія науки, просвѣщенія, разумной сознательности въ древней Рос-

си, и многіе жизненнонародные, плодотворные, зиждительные зачатки земскаго строенья не получили рациональной, опредѣленной организаціи, просвѣщенной, сознательной осмысленности, выясненности и выражались въ грубыхъ формахъ. Таковы, на примѣръ, принципы вѣчей, мірскихъ сходовъ, земскихъ совѣтовъ, земскихъ соборовъ, земскихъ училищъ, земскаго значенія вопросовъ религіозныхъ, областной автономіи и федераціи, общинно-областной гласности, писцовой окладной системы, излюбленнаго выборнаго самоуправления и самосуда, круговой поруки, суда въ присутствіи *судныхъ мужей* и выборныхъ отъ міра, и т. п. Выразивши такой самородно-зиждительный архитектурическій тактъ въ земскомъ строеніи, земскій міръ, народъ — нуждался въ научномъ просвѣщеніи и осмысленіи своего непосредственно-натуральнаго жизненнаго творчества. А вотъ онъ бѣжитъ въ расколъ отъ науки Петра. Почему же, однако? Взглянемъ, хоть бѣгло, на школы Петра. *онъ же онъ глѣтъ отъ ни*

Петръ — Великій, какъ геніальный государь, основатель имперіи, смотрѣлъ на науки чисто

съ государственно-устроительной точки зрѣнія, какъ на средство для уясненія, распространенія и осуществленія его идей объ имперіи, о разныхъ его нововведеніяхъ и учрежденіяхъ для имперіи. Онъ не заботился собственно объ образованіи народа, земства для его частной и общественной жизни, а заботился объ образованіи искусныхъ слугъ имперіи, исполнителей его идей. Онъ не заботился о просвѣщеніи, образованіи русскаго *человѣка*, а ему нужно было образовать себѣ изъ русскаго прежде всего *служилаго* *человѣка*, напр. инженера, морехода, мастера, дьяка, служащаго церковника, медика, счетчика, и т. д. — всѣхъ для службы. Съ этою цѣлью имъ основаны были всѣ элементарныя школы: *духовныя* — для образованія церковниковъ *въ надежду священства*, для службы церковной; *инженерная школа*, основанная въ 1712 г. въ С. Петербургѣ для образованія изъ дворянскихъ дѣтей инженеровъ; *цифирныя школы* для обученія «цифри и нѣкоторой части геометріи дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, oprичъ *однoдвoрцoвѣ*», для об-

разованія служилыхъ счетчиковъ, бухгалтеровъ и чиновниковъ; *навигационныя школы* — для образованія моряковъ; *медицинскія и хирургическія школы* — для образованія медиковъ, преимущественно военныхъ, полковыхъ. Для изученія этихъ же наукъ, и съ тѣми же служебными государственными цѣлями, Петръ посылалъ молодыхъ людей за границу.

Утѣшаясь строительствомъ кораблей на Балтійскомъ морѣ и пированьемъ въ нѣмецкихъ платьяхъ, Петръ мечталъ о будущемъ переселеніи всѣхъ наукъ въ Россію. «Кто бы могъ подумать, братцы — говорилъ онъ въ 1714 году въ Ригѣ, осушая чару вина на новоспущенномъ кораблѣ — кто бы могъ думать назадъ тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ, строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ? Историки — прибавилъ онъ — полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но необразованность нашихъ предковъ помѣшала имъ проникнуть дальше Польши, хотя и Поляки

находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до-сихъ-поръ... Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ вѣрится, что онѣ опять когда-нибудь покинутъ свое мѣстопробываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію».

Между-тѣмъ, какъ Петръ мечталъ о далекомъ, несбыточномъ будущемъ, въ свое время, для образованія русскаго народа, собственно массы народной, нужно правду сказать, онъ ничего не сдѣлалъ. Учредивъ школы по городамъ, и то не по всѣмъ, для образованія только церковниковъ въ надежду священства, для образованія касты духовной, да дворянъ и дьяковъ для образованія касты дворянской, военно-служилой, чиновничей, Петръ не основалъ школъ по селамъ или волостямъ, не основалъ школъ грамотности народной, школъ для разсѣянія въ народѣ миеологическихъ суевѣрій, византійско-восточныхъ понятій семейныхъ и общественныхъ, для распро-

страненія въ массѣ народной элементарныхъ, общечеловѣческихъ, естественныхъ и гуманныхъ понятій. Умственная жизнь массы народной прошла черезъ всю петровскую эпоху совершенно тою же, какою была въ XVII вѣкѣ. Европейски-просвѣтительное вліяніе Петра нисколько не существовало и не существуетъ для огромной массы крестьянства, мѣщанства и даже бѣльшей части купечества. Въ этомъ отношеніи вполне справедливы слѣдующія слова Тургенева о Петрѣ: « Il fit peu pour l'instruction populaire, et l'on ne voit pas qu'il se soit beaucoup occupé d'établir des écoles de differents degrés destinées à l'enseignement des masses ».

Вслѣдствіе этого, и народъ не сочувствовалъ школьному ученію Петра. Главныя причины этому были двѣ. Во-первыхъ, не давши народу свободныхъ правъ матеріальнаго обезпеченія, отрывая его отъ торговъ и промысловъ на казенныя работы и службы, обременяя податями и разными сборами, Петръ хотѣлъ силой заставить учиться цифири, нѣкоторой части геометріи, и т. п. Онъ велѣлъ брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15-ти

лѣтъ, безъ всякаго согласія родителей, черезъ военный приказъ. Если родители противились, то ихъ сажали подъ караулъ, либо въ тюрьмы, заковывали въ кандалы, а дѣтей съ солдатами отправляли въ школы. Положимъ, что при грубомъ невѣжествѣ народа, эти слишкомъ-крутыя мѣры при Петрѣ могли казаться неизбѣжными. Однакожь, справедливость требуетъ и то сказать, что жизнь народная была правѣе Петра: родители часто не отдавали своихъ дѣтей въ школы просто по естественной невозможности, по крайней бѣдности. Крестьянинъ Посошковъ, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», начерталъ намъ печальную картину тогдашней бѣдности народа, когда громадныя реформы Петра поглощали у него и доходы и рабочія силы. Самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ изображалъ въ самомъ жалкомъ видѣ экономическій бытъ народа, особенно при тогдашнемъ ненасытимомъ корыстолюбіи и грабительствѣ приказнаго начальства. При бѣдности народной, естественно, не всегда-то сносно было родителямъ лишаться лишнихъ рабочихъ силъ,

отдавая дѣтей безъ пользы въ школы. Вотъ почему, напримѣръ, въ 1720 г., посадскіе люди Вологды, Устюга, Каргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ, представляли Сенату, что отбираіе дѣтей изъ круга семейнаго подрываетъ торговлю, останавливаетъ успѣхи въ промышленности, и разрушаетъ благосостояніе домовъ дотолѣ богатыхъ и цвѣтущихъ, а бѣдныхъ лишаетъ и послѣднихъ силъ добывать содержаніе семействъ.

Другая причина безплодности петровскихъ школъ для народа та, что система ученія въ нихъ была отвлеченна отъ жизни, отъ живыхъ, насущныхъ потребностей народныхъ. Главное: ученіе въ нихъ было военное, да чиновничье; если и преподавались «нужныя механическія хитрости», такъ преподавались не для собственно-хозяйственной жизни народа, а главнымъ образомъ для видовъ государства, правительства. Казенность правительственнаго школьнаго образованія отталкивала отъ него земскихъ людей. Казенная корпоративная раздѣльность, замкнутость и отвлеченность школъ отъ жизни, тоже нерасполагали къ нимъ народъ. Потомъ, во всѣхъ этихъ

училищахъ преподавался съ особеннымъ пред-
почтеніемъ латинскій языкъ, *какъ языкъ едино-*
начальствія, lingua Imperii, по словамъ Поли-
карпова. Между-тѣмъ, до 1721 года, въ шко-
лахъ петровскихъ не было грамматики не только
русскаго народнаго языка, но и славянскаго; зна-
чить, непочему было и грамотѣ учиться. Только
въ 20-ыхъ годахъ Петръ велѣлъ издать, хотя
старую, славянскую грамматику Мелетія Смо-
трицаго. Издатель ея, Поликарповъ, такъ го-
ворилъ въ предисловіи о причинахъ неуспѣховъ
народнаго обученія: «Оставляя премудрымъ о
пользѣ, силѣ и дѣйствѣ граматическаго художе-
ства витѣйствовати, нынѣ вины отъ многихъ
пѣвнѣя сего новопечатнаго граматическаго из-
данія вкратцѣ простымъ словомъ изъясляю ва-
шему любомудрїю. Первая, понеже непостижи-
мымъ промысломъ Создателя нашего Бога, из-
волися любомудрѣйшему всероссійскому нашему
монарху Петру, того имене и высокихъ дѣлъ
первому, чрезъ неусыпное его царскаго величе-
ства тщаніе, преславное и православное свое
государство, якоже и *иными военными* высокими

науками и всякими нужными механическими хитростями украсить и обогатить, тако и *седьми свободныхъ наукъ еллино-греческа и латинска* діалектовъ училищами наполнить. А *славянская грамматика* въ тѣхъ училищахъ *не преподаваешя* за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащимся не малая. Вторая: яко любознанныхъ російскихъ отроковъ мнози нынѣ различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателямъ на словенскомъ діалектѣ сотъ, переводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ, представить, но основательнаго къ переводу орудія (грамматики) лишающа, и *сами множицею того не получаютъ* и иныхъ не удостоятъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти» и проч. Изъ этихъ немногихъ словъ издателя грамматики при Петрѣ можно судить и о томъ, почему народъ, съ своимъ простымъ, богатымъ, естественнымъ живымъ языкомъ, не могъ вовсе и грамотѣ учиться по такимъ обветшалымъ, ненароднымъ славянскимъ грамматикамъ, какъ Смотрицкаго, и притомъ въ такомъ тяжеломъ, варварскомъ по языку изданіи Поликарпова:

Народъ сочувствовалъ своему, народному. Не сочувствуя казеннымъ, правительственнымъ школамъ Петра, народъ сочувствовалъ ученью живому, своимъ однокровнымъ, доморощеннымъ грамотникамъ. Расколъ былъ живымъ народнымъ ученьемъ, и многочисленныя массы народа отъ всего сердца предавались ему. Въ то время, какъ Петръ основывалъ школы только для духовенства, да для дворянства, расколъ сталъ живымъ, повсемѣстнымъ училищемъ для огромной массы простаго народа — для крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства, взявъ на себя миссію, пропаганду учительства народнаго. И путь ученья, избранный расколомъ, самый естественный, прямо направленный и какъ-нельзя-болѣе споспѣшествующій цѣли — путь странствующей миссіи учительства, разсылка наставниковъ по всемъ областямъ, по городамъ и селамъ. И эти странствующие грамотники, наставники раскола, несравненно съ большимъ успѣхомъ распространяли въ массѣ народной и грамотность, и свое ученье, чѣмъ правительственные учителя казенныхъ, замкнутыхъ, кор-

поративныхъ школь, потому-что они сами выходили изъ того же самаго народа, который учили, были плоть отъ плоти, кровь отъ крови. Потомъ ученье ихъ было прямо-жизненно, симпатично для массы народной, говорило прямо въ пользу ея. Оно возводило въ доктрину не отвлечено-нѣмецкія идеи, а горькія данныя, опыты современной народной жизни и участи подъ гнетомъ реформъ. Оно хотя въ то же время поддерживало суевѣрія, занимало народъ пустыми религіозно-обрядовыми вопросами, но все это въ ученьи раскола получало своеобразную народную переработку. Расколъ развивалъ свою догматику, допускалъ полную свободу мнѣній, толковъ, согласій. Онъ не чуждался и западно-европейскихъ идей и ученій: у него были расколуучители иноземные. Таковъ, на примѣръ, нѣкто Вавило, о которомъ Денисовъ писалъ: «бысть родомъ иноземець, вѣры лютерскія, глаголати и писати учися довольновременно въ славнѣй париждѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврей-

скій и славянскій». Расколъ будиль, вызываль своеобразную народную мыслительность. Въ то время, какъ въ православныхъ общинахъ весьма-мало было грамотныхъ, въ раскольничьихъ общинахъ рѣдкій былъ неграмотный. Много было грамотныхъ женщинъ и дѣвицъ. Въ то время, какъ православный мужичокъ мало думаль, почти ничего не зналь, не писалъ, не сочиняль, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли, хоть что бы тамъ ни было на первый разъ. Въ высшей степени многозначительный фактъ въ народной исторіи, что расколъ возвышалъ, поднималъ нравственное человѣческое достоинство мужичковъ нашихъ; возводилъ ихъ на степень учителей, наставниковъ, писателей въ то время, когда у нихъ отнимали прежнія права, продавали поодинокѣ отрывая отъ семействъ. Точно такъ же и женщинъ расколъ возводилъ, равноправно съ мужчинами, въ достоинство *наставницъ*. Расколъ далъ имъ знать, въ лицѣ многихъ своихъ наставниковъ, что богатыя, могучія дарованія, таланты, или, какъ говорить народъ, *самородки* нашего крестьян-

ства и всего простаго народа просились къ проявленію своихъ силъ, и нигдѣ не находили простора, исхода, кромѣ раскола, и что вообще въ массахъ нашихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ глуши, въ захоlustьяхъ широкой имперіи, подъ гнетомъ житейскимъ и государственнымъ, гибло множество Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, которые только въ расколѣ и находили себѣ хоть какую-нибудь дѣятельность: недаромъ и самъ Ломоносовъ, преобразователь умственной жизни Россіи, создатель русской науки и литературы, «родитель» перваго русскаго университета — московскаго, борецъ съ Нѣмцами въ російской академіи, и Ломоносовъ съ-молода былъ въ расколѣ.

Взявъ на себя миссію учительства народнаго, раскольничьи согласія, по возможности, учреждали у себя и школы. Напримѣръ, въ «Исторіи Выговской Пустыни» читаемъ: «И начаша къ нимъ люди приходити съ разныхъ мѣстъ и родовъ, а оныя же отцы Даниль (Викулинъ) и Андрей (Денисовъ) принимающе ихъ съ любовію, и учаще, и наказующе... *молодыхъ и дѣтей обоюаго пола учаху грамоту*». Въ Выговской же

пустынь была школа искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольничьихъ книгъ, школа пѣвцовъ для снабженія ими раскольничьихъ часовень, и молитвенныхъ домовъ, школа искусныхъ живописцевъ, и богатое собраніе старыхъ письменныхъ и печатныхъ, учительныхъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, сборниковъ, и т. п. Всѣ эти способы ученія — бібліотеки и разныя школы — особенно стали развиваться у раскольниковъ со второй половины XVIII и въ первой половинѣ XIX-го столѣтій. Въ согласіяхъ, скитахъ, слободахъ раскольничьихъ, на первой же порѣ появилось много людей *искусныхъ писанью*, весьма-даровитыхъ, начитанныхъ, самородныхъ, своеобразныхъ народныхъ писателей. Были свои богословы, какъ напримѣръ, протопопъ Аввакумъ, смѣло и своеобразно разсуждавшій о Троицѣ, народнымъ, крестьянскимъ языкомъ писавшій свои догматическія письма. Были свои полемики, какъ московскій архимандритъ Спиридонъ (ск. 1655 г.), попы Лазарь и Никита, соловецкій келарь Азарій и черный попъ Геронтій и другіе. Были свои ис-

торики, какъ Андрей и Семень Денисовы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и богословами и полемиками; Иванъ Филипповъ — авторъ «Исторіи Выговской Пустыни». Были даже свои поэты. И нужно сказать, что въ XVIII-мъ столѣтіи народная поэзія только у однихъ раскольниковъ почти и развивалась. И послѣ пѣсенъ казачьихъ и разбойничьихъ, въ которыхъ тоже есть старовѣрскіе элементы, пѣсни раскольниковъ — самыя поэтическія пѣсни. У меня подъ руками есть нѣсколько раскольниковыхъ стиховъ, которые со временемъ будутъ напечатаны. Съ 1655 года до Петра-Перваго и даже до половины XVIII-го вѣка, въ раскольниковей письменности преобладаетъ религіозно-полемическое направленіе, вмѣстѣ съ историческимъ-повѣствовательнымъ. Со второй же половины XVIII-го столѣтія, когда раскольниковы согласія получаютъ территориальную сосредоточенность, осѣдность, начинаютъ немного-свободную гражданскую жизнь, и ученіе раскола становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненные данныя и силы; отвле-

ченно-религіозный элементъ ослабѣваетъ, и выработывается чисто-политическое направленіе, только подъ формами религіозно-символическими. Но объ этомъ послѣ. А теперь, для характеристики раскольничьихъ писателей первой половины XVIII столѣтія, петровскаго времени, приведемъ слова выговскаго лѣтописца, Ивана Филиппова, о заслугахъ и достоинствахъ Андрея Денисова: «Все житіе свое въ сей пустыни препроводя въ добродѣтеляхъ богоугодно, изучивъ божественнаго писанія, прошедъ философское и риторское ученіе, и велій сказатель бысть словесъ божіихъ безъ книги изъ устъ, свободнымъ уча гласомъ всю братію: и толь сладостно бѣ ученіе его, яко всѣ послушающе прилежно внимаху. На праздники же всѣ по совершеніи всенощныхъ пѣній, простираше праздничная златоструйная словеса ученія, яко хитрориторски преизобильно украшаше и все богато свѣтлыми словесы и дивными обогащаше. Все ученіе его достойно было бы писанію предати. Егда же о праздницѣхъ краснославная и пресладкая сотвориши бесѣды: тогда наконецъ прилагаше бра-

воученіе преизрядное... Ими же всякій умъ жестокой, всякую нечувствительную и каменную душу къ Богу возводя, тѣмъ же и языкъ его пресладкій чуднѣйшій орееовы баснословляемыя цѣвницы показася, небо, горы и каменіе привлекаше къ себѣ, но каменно-сердечные человѣки отъ земли на небо славно влечаше: воспоминаше бо въ правоученіяхъ своихъ вся страсти человѣческія и учаше, какъ подобаесть праздновати и каковымъ быти христіанамъ, яко не именемъ именоватися тоцію достоить, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися, отъ грѣхопадныхъ мѣстъ отпадати, покаяніемъ же себѣ очищати и чисто и цѣломудренно жити, блуда бѣгати, сквернь плотскихъ удалятися, и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачь приводя и въ умиленіе влагая и на покаяніе согрѣшающіе понуждая: толико бо хитръ и сладостень бѣ словомъ, яко никто инъ таковъ обрѣтается въ нынѣшнихъ христіанѣхъ... яко и впредь не чаеся таковъ быти... Въ юности же своей, егда ѣздася въ Москву и въ Санктпитебургъ и въ Ки-

евъ, тогда тамо изучися добрѣ грамматическому и риторскому ученію, также и прочихъ учаше, брата своего Симеона и Трифона Петрова и иконника Данила и Никифора Симеонова и прочихъ, иже изучишася отъ него тому же художеству, кійждо по силѣ своей, чтобъ право писати и добрѣ глаголати, знати силу святаго писанія и догматы церковныя и укрѣпляти и прочихъ и братію въ православной христіанской вѣрѣ. Тогда (Андрея) всѣ сладцѣ славяху и дивляхуся и гражданскія персоны и отъ виѣшнихъ славніи мужи риторы похваляху и въ славѣ словесъ прелюбезно восхваляху и бесѣдовати съ нимъ желлаху: и нѣкогда въ бесѣдѣ высокія персоны другъ съ другомъ послѣ смерти Андреевой бесѣдоваша объ немъ и восхваляюще и вопрошающе у прилучившагося ту общежителя Андреевой киновіи: «Еще ли у васъ другой Андрей остался таковъ, въ разумѣ и въ книжной премудрости и въ ученьи? И сами другъ другу отглаголаша: негдѣ взять и не сыскать и во всѣхъ старовѣрцахъ, и нѣтъ и впредь не будетъ!»
